
Александр РЫБИН

ЦАРСТВО ПУНТЛЕНД

Повесть

Тяжесть войны

Труп парня лет двадцати пяти, раздувшийся от жары, лежал лицом вверх. На груди две аккуратные дырочки и грязно-бурое пятно вокруг них. Засыхая, кровь всегда имеет оттенки чего-то гадкого. Вони от трупа я не чувствовал, так как та часть проспекта, где я находился с другими журналистами, была пропитана дымом от взорвавшегося пару минут назад автомобиля. Стены большинства домов вдоль проспекта покрывали выбоины от пуль и осколков.

«Чей труп?» — спросил я сопровождавшего нас офицера полиции по-английски. «Понятно чей — террорист», — пожал плечами офицер. Однако по одежде этот парень походил на обычного гражданского, случайную жертву боевых действий. Впрочем, это мог быть повстанец, который пытался скрыться с поля боя. Гражданская война — дело такое: легко стать из мирного жителя участником боевых действий и наоборот. И это порой может быть никак не связано с твоим личным желанием — но зависит от желания того, в чьих руках оружие.

Подошел оператор с итальянского частного телеканала и спросил офицера, когда можно будет подойти к взорванному автомобилю, чтобы снять его. «Мы пойдем туда только под прикрытием бронетехники. Ту зону, есть вероятность, могут обстрелять снайперы противника. Ждем, когда прибудет „хамви“ или еще что-то в этом духе», — пояснил офицер, поднес к губам рацию и спросил о времени подхода бронеприкрытия по-арабски (моих элементарных знаний этого языка хватило, чтобы понять). Ответа я не разобрал.

Для сопровождения приехали два «хамви» армейского спецназа — крашенные в черный цвет и с национальными флагами над пулеметными башнями. Журналисты прижались к ним с левого бока. Бронемшины медленно двинулись. Впереди них шагали, оглядываясь по сторонам через прицелы автоматов, двое солдат, облаченных в бронезилеты, каски, налокотники и наколенники.

За пеленой дыма от продолжавшего гореть автомобиля показались два черных «хамви» — они быстро приближались в нашу сторону. Один из шедших впереди солдат перебежал к стене ближайшего дома, присел на колени и стал разглядывать броневики через прицел. Мы продолжали двигаться, прижимаясь к *нашим* «хамви». Кто-то из фотографов снимал побитые военной сталью стены и заборы. Вдруг солдат, сидевший на колени, опустил автомат, повернулся в нашу сторону и громко начал кричать по-

---

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фриланс-журналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

арабски: «Стой! Назад! Назад!!!» — и интенсивно замахал рукой, чтобы мы возвращались. Он рубанул воздух рукой, словно ножом, в сторону приближавшихся броневиков и что-то прокричал на арабском, я не понял. Но понял один из иракских журналистов, он заорал на английском, чтобы слышала вся наша группа: «Вперед! Заминарированный бульдозер гонится за „хамви“, всем бегом назад! В укрытие!» Журналисты, натыкаясь друг на друга, ломанулись назад. Я увидел выбитую дверь во двор дома справа и рванул туда. Во дворе пальмы, гранатовые кусты, за ними капитальный каменный дом в два этажа, дверь в дом тоже выбита. Влетел в дом и спрятался за угол, выглядывая на улицу. Послышался скрежет металла — видимо, «хамви» снесли горевший на проспекте автомобиль. Через несколько мгновений снова звук удара металла в металл. Один за другим броневики пролетели мимо выбитой двери, затем пронесся колесный бульдозер, обшитый металлическими листами, — да, никаких сомнений, это бульдозер повстанцев, так они усиливают защиту обычной техники и минируют ее, чтобы использовать против правительственных сил. Время замедлилось. Или даже совсем остановилось. Я прислушивался. Ждал грохот взрыва. Но слышал лишь удаляющееся таракание техники. И стрекотание автоматов. Невольно начал размышлять, что буду делать, если за этим бульдозером двигается отряд повстанцев — в плен попадать не хочется, хоть и журналист. Ведь я буду для них журналистом, пойманым на стороне правительственных сил. Ладно, дом вроде бы внушительный. Смогу тут спрятаться. По темноте выйду к правительственным войскам. Дорогу к их ближайшим постам помню. А если... если правительственные солдаты примут меня за повстанца, станут стрелять по мне... Не успел додумать, грохот взрыва. Дошла ударная волна: пальмы задержались из стороны в сторону, посыпались их сухие длинные листья, лопнули окна в доме. Затем по проспекту и по зданиям застучали осколки и обломки — неожиданный дождь войны. Выглянул в ту сторону, где произошел взрыв: над соседними домами выросло, закручиваясь, пепельно-серое облако. Решил, что надо подняться на крышу дома и оттуда оценить обстановку.

Долго путался среди коридоров и комнат. Время по-прежнему шло изнурительно медленно. Слово каждая секунда делилась на тысячи мгновений снова и снова. Надо было быстрее добраться до крыши и посмотреть, что там на месте взрыва, приближаются ли сюда повстанцы. На полу валялись какие-то тряпки, битая посуда, разломанные шкафы. Я спотыкался, ударялся об углы — спешил.

Дверь на крышу распахнута. Вдоль краев плоской крыши глухой бортик высотой в полметра. Я лег и ползком добрался до бортика, из-за которого вытягивались полосы густого черного дыма. Выглянул. На месте взрыва была глубокая воронка, горели три «хамви», вспороты каменные заборы, верхний этаж одного из двухэтажных особняков возле эпицентра полностью сложился... я старался разглядеть живых или мертвых. Трещали боекомплекты к стрелковому оружию в горящих бронемашинах. Появились трое солдат — вышли из своего укрытия. Они смотрели через прицелы в ту сторону, откуда приехал бульдозер. Затем появился еще один солдат. Вместе с ним оператор с итальянского телеканала. Оператор тут же включил камеру и стал снимать последствия. Со стороны кварталов, подконтрольных правительственным силам, начал нарастать гул вертолета. Я решил спускаться и идти к месту взрыва.

Выйдя на проспект, я первым делом оглянулся в ту сторону, откуда могли приближаться повстанцы. Никого. Бегом вдоль оград направился к эпицентру. На ходу махал рукой солдатам. Те помахали в ответ. Отлично, значит, не станут в меня стрелять. «Как ты?» — спросил по-английски один из солдат, когда я поравнялся с ним. «Мафи мушкеле (Никаких проблем)», — ответил ему на арабском. Из укрытий вышли еще несколько журналистов. Корреспондентка венгерского журнала плакала навзрыд, уткнувшись в плечо иракского журналиста. В воздухе жирно воняло жженым человеческим мясом. Этот запах ни с чем не спутать — от него сразу же хочется отхаркиваться

и сморкаться, будто в твоё тело пытаются впихнуть чужое человеческое тело. Я натянул на лицо бедуинский платок, намотанный вокруг шеи. Мимо проходил офицер полиции, приставленный сопровождать журналистов. Он зыкрывал нос и рот носовым платком нежного розового оттенка. Он кивнул мне и указал на один из горящих «хамви», ближайший к воронке от взрыва. Я приблизился, чтобы разглядеть, что внутри машины. Горели покрышки, что-то горело в пулеметной башне. Краска на металле облупилась и топорщилась струпьями. Бронестекла полностью выбиты. На передних сиденьях были два черных манекена с широко открытыми ртами — два мертвых человека, на них тлели остатки одежды. Видимо, они кричали в тот момент, когда отчетливо поняли, что им не спастись. Волосы, ресницы и прочая растительность на лицах полностью выгорела. Они, правда, очень походили на гладкие пластмассовые фигуры, которые никогда и не были живыми. Я смотрел и не мог оторваться. Солдат подошел к «хамви», уперся одной ногой в борт и обеими руками, обтянутыми в защитные тактические перчатки, дернул переднюю дверь. Она со скрежетом открылась. Один труп вывалился. От удара о землю голова его оторвалась и покатилась.

«...Вот поэтому я оказался здесь, в Аддисе», — сказал я Ларе. Она кивнула и достала очередную сигарету. Закурив, спросила: «А почему именно Аддис? Почему именно Эфиопия, а не какая-нибудь другая экзотическая страна? После таких ужасов ты мог поехать на Бали, на Мальдивы, в Тунис — где жизнь для белых гораздо комфортнее и легче». Мы сидели в гостинице на третьем этаже перед открытым окном. На улице ночь. Редкие автомобили проезжали мимо. Легкий ветерок качал листья банановых пальм на тротуарах.

После того взрыва — кроме солдат, погибло пять журналистов, двоих из них я хорошо знал — я не уехал домой, на родину. Просто перебрался подальше от зоны боевых действий, километров за сто, на берег Индийского океана. Тогда как раз шел сезон муссонов — хари́ф. Поселился в дешевой гостинице — ее построили полтора века назад специально для европейских предпринимателей. Деревянная, скрипящая на каждом шагу лестница между этажами, почти истлевшие персидские ковры в коридорах, на дверях в номера прикреплены обязательно две металлические колотушки: одна для гостей-мужчин, другая — для женщин, чтобы постоялец знал, в какой одежде встречать гостей. Над стойкой администратора на первом этаже висел старинный свод правил проживания. Там, например, указывалось, что мужчины и женщины, которые не состоят в браке, не могут жить в одном номере.

Лара, улыбаясь, выпустила табачный дым: «Значит, там мы бы никогда не смогли с тобой спать вместе?» Я посмотрел в ее чернящие берберские глаза: «Почему? Вместе не смогли бы жить. Но тайком, как подростки, пробирались бы друг к другу в номере по ночам. А потом возвращались в свои, пока остальные еще спят. В правилах было еще интресное замечание про женатых — им запрещалось заниматься оральным сексом. „Ласкать губами или языком непристойные места“ — такая формулировка была». Лара недоуменно подняла брови и чуть сморщилась: «Интересно, каким образом служащие должны были выяснять это? По звукам? Или там была тайная возможность подсматривать за постояльцами? Какие-нибудь замаскированные отверстия из соседних номеров».

...Мои дни походили один на другой. Я вставал рано утром — уже было светло, но солнце еще не взошло. Небо ультрамариновых оттенков, через пару часов после восхода оно выцветало до неопределенно белесых. Шел на песчаный пляж. Время прилива. Волны почти достигали полосы финиковых пальм, которые укрепляли почву от раз-

мывания. В океан выходили длинные деревянные лодки, оснащенные мощными японскими моторами, — местные рыбаки отправлялись на промысел. Я долго плавал, возвращался в гостиницу для завтрака, затем спал или читал до обеда. Обычно к обеду начинался дождь. Если дождь был мелкий, я отправлялся бродить в горы, где росли ладанные деревья.

Окрестные горы славились еще четыре тысячи лет назад своим сортом ладана: густой насыщенный аромат, похожий на смесь лимона с эвкалиптом, а цвет прозрачно-белый — называется «ходжари». Сами ладанные деревья корявые, ветви их изгибаются в разные стороны — будто обычное дерево вырвали из почвы и посадили обратно вверх корнями. Врезаешь зеленую мягкую кору, и в разрезе сразу натекают белые капли смолы — вокруг распространяется аромат, как в православной церкви. Первое время для меня это было своеобразным шоком: я привык, как ладан курится среди икон, ярких фресок, шуршания складчатых одежд священников, шепота молитв... и вдруг тот же запах среди корявых деревьев на склоне рыжих гор, мимо проходили верблюды, а у горизонта бирюзовая полоса океана. Я поднимался до рожиц ладанных деревьев, садился под одним из них и делал несколько неглубоких надрезов. Мне совершенно ничего не хотелось, я чувствовал самодостаточность момента, его полноценность. Наверное, именно так Будда сидел под баньяном, достигая просветления.

Однако вечером я шел в кабак, вечером очень хотелось выпить. У меня появился небольшой круг общения — иностранцы в основном: они обслуживали нефтяные месторождения в пустыне Руб-эль-Хали либо работали в западных неправительственных организациях, которые занимались развитием местной инфраструктуры. Иногда этот круг развлекали заезжие иностранные путешественники.

Однажды кто-то из британцев привел в кабак французского режиссера-документалиста Паскаля, а вот фамилию его не помню. Паскаль направлялся в зону боевых действий, собирался снимать фильм о беженцах. Ему сказали, что я работал там, поэтому он захотел со мной познакомиться.

Представившись, Паскаль сразу спросил: «И много „горячих точек“ ты посетил?» Я предложил перечислить ему пять самых известных современных войн. Он называл страну или регион, и я говорил «был». Пятой он назвал Ливию. «Еще не успел побывать. Но война у них, думаю, не скоро закончится, поэтому время есть». Паскаль рассказал про своего друга-журналиста, который работал в Афганистане. Он погиб. Это был двойной теракт в центре Кабула. Сначала боевики взорвали один заминированный автомобиль возле правительственного здания. Когда приехали военные, пожарные и журналисты, взорвали второй, заминированный гораздо серьезнее. Всего погибло девять журналистов. Я знал про этот случай. Спустя несколько месяцев после взрыва я приезжал в Кабул — делал репортаж про парламентские выборы. Местные журналисты по-прежнему были очень напуганы. Приезжие иностранцы — тоже. По городу перемещались только на автомобилях. И старались не заезжать лишний раз в центр города, в район Вазир-Акбар-хан, где расположены министерства и иностранные посольства.

«Я ни разу не был раньше в зоне военных конфликтов, поэтому очень переживаю по поводу своей поездки», — признался Паскаль. И заказал водки, дорожкой финской, себе и мне.

Лара разлила в свой и мой стаканы дешевый эфиопский джин «Марафон», произведенный на заводе в пригороде Аддиса. «Жаль, что ты не знаешь фамилии этого француза. Может, он известный деятель культуры — во Франции. Или вообще известен на весь Евросоюз», — сказала она. Мы чокнулись («За тебя». — «Лучше за тебя») и выпили.

...«Посоветуй, как правильно себя вести в зоне боевых действий», — попросил Паскаль, когда мы опустошили стопки. Он выглядел как типичный французик-интеллигентик: щедущий, в каких-то непрактичных ярких тряпочках, длинные взлохмаченные волосы, очки с толстыми линзами, очень женственный в своих манерах... Что можно было посоветовать ему? Он являл собой совершенный антипод войны. Материя и антиматерия. Им лучше не встречаться. «Я даже, если необходимо, заплачу за твои консультации», — настаивал он. Я поглаживал свою жиденькую бороду («У меня тогда выросла борода, потому что перестал бриться из-за того взрыва») и пытался понять, что ему сказать, что увеличит именно его шансы на жизнь среди стрельбы, взрывов, засад и самодельных взрывных устройств. «Есть, пожалуй, три вещи, которые тебе стоит запомнить, — начал я. — Во-первых, слушайся военных, не нужно доказывать им, какой ты смелый — это никому не нужно, к тому же усложняет взаимоотношения с военными. Им лучше знать, где опасно, куда можно заходить, когда снимать, а когда сворачиваться и уезжать. Во-вторых, научись по звуку определять, куда летит снаряд, ракета или мина — такое можно узнать лишь на опыте, бессмысленно объяснять, сравнивая эти звуки со звуками из мирной жизни. Чтобы быстрее научиться, слушайся военных. И третье, если противник стреляет из автоматов или пулеметов, тебе нужно понимать, откуда именно он стреляет, чтобы поскорее найти укрытие. Чтобы научиться этому, смотри пункт первый». Паскаль снова заказал нам водки. «Вообще-то, я надеюсь, что не придется находиться непосредственно на линии фронта. Твои советы больше про линию фронта. Я надеюсь, что весь необходимый материал отсниму на некотором удалении от передовой, ведь беженцы стараются избегать зоны, где идут бои», — пояснил он. В ответ я пожал плечами: «Ты прав. Наверное, тебе лучше просто поехать в лагерь беженцев. Лагеря обычно на приличном расстоянии от передовой...» Он поднял руку, прерывая меня: «Мне нужна история, понимаешь? Они уходят из-под огня, из своего дома, который оказался в зоне боевых действий и их дальнейшая жизнь. Я еще не представляю себе точно, как буду это делать. Но в любом случае — спасибо тебе. Хочу записать твои советы, хотя надеюсь, что они мне не пригодятся». И он достал из внутреннего кармана своего яркого лоскутного пиджака блокнот и ручку. На обложке блокнота был яркий, ярче его пиджака, флаг. Я спросил, чей это флаг. Эфиопия. «Ты там бывал, в смысле в Эфиопии?» — спросил Паскаля. «Да. Несколько раз жил по два-три месяца — снимал фильм про местную богему: художники, музыканты, танцоры. Знаешь, Эфиопия — самая интересная страна, в которой я бывал в жизни». Он стал рассказывать про нее. Через полчаса я понял, что хочу увидеть эту страну, что она мне гораздо интереснее, чем мои переживания о случившемся, океанский берег, запах ладана под дождем, ежевечерние посиделки в кабаке с нефтяниками. К тому же я никогда раньше не бывал в Африке.

«...Оформил эфиопскую визу по Интернету и купил билет на рейс в Аддис», — сказал я Ларе. «Прям удивительно, хлипкий интеллигентик всего за полчаса совратил матерого военного корреспондента... то есть увлек другой страной», — сказала она. «Думаю, что внутренне я уже был готов резко поменять свою жизнь, среду обитания. Подвернулся Паскаль с историей про невероятную Эфиопию». Она опять закурила: «И что с ним случилось? Он снял свой фильм?» Я подлил себе и ей «Марафона»: «Понятия не имею. Он сыграл свою роль в моей жизни и больше мне не интересен, наши пути разошлись».

Аддис

Местные называют Аддис-Абебу исключительно Аддис, с ударением на первую гласную. Лучший сезон в Аддисе — с ноября по апрель, когда сухо, когда умеренно жарко,

когда жители сел привозят дешевые продукты на местные рынки. Я прилетел в середине ноября. В конце декабря в Аддис прилетела Лара. Она поселилась в том же гостевом доме, где жил я. Район Гарджи — там жили в основном эфиопы. Белые иностранцы этот район избегали. Почему я его выбрал? Меня устраивала цена за комнату с собственным душем в гостевом доме, и хотелось глубже погрузиться именно в эфиопскую среду. Какой смысл было менять страну, если снова выбираешь круг общения из экспатов? Лара поселилась в Гарджи, потому что ей рассказали, что в этом районе живут эфиопы, имеющие дела с сомалийцами: легальная торговля, черный рынок, законная и контрабандная перевозка ката из Эфиопии в Сомали.

Моим первым приятелем в Гарджи стал как раз сомалиец. Он жил в соседней от меня комнате. Имат. Мы познакомились через несколько дней после моего прибытия. Он спал почти до обеда, потом исчезал до поздней ночи. Однажды ночью он постучался в мою комнату, он был пьян, в каждой руке по две бутылки пива. «Брат, извини, — у него был британский акцент. — Хочешь со мной выпить?» В его комнате ждали еще десять бутылок пива. Имат начал рассказывать историю своей жизни.

Он родом из пригорода сомалийской столицы Могадишо. «Смотри, — он достал мобильный телефон. Полистал видео. — О, здесь. Смотри. С третьего этажа своего дома снимал». На экране ряд низких желтых домиков с плоскими крышами. Вдали поднимается косматый столб взрыва. Слышно, как переговариваются шумно и напуганно невидимые люди на непонятном мне языке. «Смотри-смотри», — Имат ткнул пальцем в монитор. Над домами вздувается пузырь нового, более мощного взрыва. Невидимые люди ахают. Доходит сухой звук разрыва. Камера дергается и смещается в сторону, теперь половину обзора загородила темная стена. «Вот так я и жил в Могадишо», — пояснил Имат, отключив и небрежно откинув телефон на прикроватную тумбочку. Его состоятельная семья смогла отправить единственного сына на учебу в Лондон. Он отпил пива и опять взял телефон. Стал листать фотографии своей британской жизни. Вот он с черными, видимо, такими же сомалийцами в баре — в поднятых руках стаканы с виски. Следующая фотография — площадь, летящие голуби, прохожие, Имат в центре с поднятыми вверх и в стороны руками. Следующая — футбольный стадион, Имат на трибуне с шарфом команды, внизу на зеленом поле муравьи-игроки гонятся за мячом. Следующая — Имат обнимает коричневую кучерявую девушку. «Погоди, почему у нас нет музыки», — недовольно произнес Имат. Он потыкал в телефон и заиграл «Oasis». Я одобрителем показал большой палец. «Британская музыка — лучшая в мире», — прокомментировал сомалиец.

Он изучал в Лондоне управление бизнесом. Закончив, вернулся в Могадишо. Долго не задержался, переехал в Аддис и стал консультировать эфиопские компании в торговых сделках с сомалийцами. «Разные контракты. Еда, шмотки, иногда вот это, — он подобрал с кровати кожаную куртку, покопался в ее карманах и достал тонкую веточку с маленькими овальными зелеными листиками. — Кат. Знаешь о нем? В Сомали официально запрещен алкоголь. Зато разрешен кат. Каждый день из Эфиопии идут десятки грузовиков с катом. У нас он тоже растет, в Йемене есть, но эфиопский — лучший. Самые прибыльные мои сделки. Хочешь?» — он достал еще несколько веточек. Я отказался. «Правильно, — прокомментировал Имат. — Кат не надо мешать с пивом. Только отдельно. Алкоголь нейтрализует действие ката, а кат нейтрализует эффект алкоголя». Он отбросил веточки на пол. «Сколько тебе лет?» — спросил я. «Тридцать два. Знаю, о чем ты хочешь спросить. Я не женат. У нас обычно этот вопрос решается до двадцати пяти. Но моя семья уже смирилась. Я им объяснил, пока свой собственный бизнес не устрою, жениться не буду. Хотя мне на самом деле просто хочется пожить в свое удовольствие. Как в Европе. Жену найти всегда успею. Понимаешь?» Я понимал.

Имат стал моим проводником в жизнь Аддиса. Он неплохо говорил на амхарском, однако с местными предпочитал изъясняться на английском. Он вообще с эфиопами общался по большей части лишь в связи с бизнесом. Не объяснял, но я понял, что он не очень доверяет эфиопам. Позже я узнал, что это старая история — взаимные исторические и культурные претензии между соседями: сомалийцами и эфиопами.

«О, да, знаю. Сомалийцы уверены, что Эфиопия отобрала у них часть территорий. Например, провинция Огаден — из-за нее в 1970-е даже была жестокая война, — преврала мой рассказ Лара. — Сомалийцы считают, что именно из-за эфиопов в их стране до сих пор продолжается гражданская война: то одним оружие поставляют, то другим, то одну группировку финансируют, то другую. Эфиопам невыгодно, чтобы Сомали стала стабильной страной, потому что тогда снова будет требовать возвращение Огадена и других провинций».

...Из прочих должителей в нашем гостевом доме были индус Вайбар, программист в единственной эфиопской телефонной компании EthioTelecom, суданец Мухаммед, работавший технологом на местном пивном заводе «Хабеша», и старая немка, занимавшая должность в местном Министерстве сельского хозяйства. Вайбар обычно готовил себе вегетарианскую еду самостоятельно — в соответствии со своей религией. После него кухня всегда превращалась в помойку: грязные полы, очистки вываливались через край мусорного бака, невытой посудой забита раковина. Утром индус уходил на работу, вечером возвращался, ел и скрывался в своей комнате. Смотрел фильмы или часами трещал по телефону с родственниками. В выходные он уходил на целый день в фитнес-зал. Немку я видел всего несколько раз — она постоянно разъезжала по командировкам. Мухаммед — общительный товарищ. Вечером с ним и Иматом мы отправлялись в район торгового центра «Эдна», эпицентр ночной жизни. Там же находился магазин алкоголя, где нелегально меняли валюту на местные быры. Курс обмена на черном рынке и в банках расходился в полтора-два раза. Официально операции с валютой разрешены лишь банкам, за нелегальный оборот валюты можно загреметь в тюрьму на пару лет. «Никогда не меняй доллары в банках», — один из первых советов Имата. В магазине алкоголя напротив «Эдны» меняли валюту все заезжие сомалийцы. Схема следующая: двое заходят, когда в магазине нет посетителей, один остается у входа и наблюдает, не приближается ли полицейский патруль, второй незаметно передает валюту продавцу, тот под прилавком отсчитывает быры и быстро передает, клиент отходит к полкам с алкоголем и пересчитывает полученные деньги, словно приценивается, что бы ему купить. Когда я спрашивал белых иностранцев, «фаранджи», как их называют эфиопы, по поводу нелегального обмена валюты, лишь единицы из них знали об этом. Черная и белая жизнь происходили в Аддисе отдельно. Еще были китайцы — те жили совсем обособленно: работали на китайские компании, ходили в китайские же рестораны и клубы. Я их почти не встречал даже в местах, где тусовались «фаранджи» и африканцы совместно.

Если Имат звал меня и Мухаммеда пойти куда-нибудь с его сомалийской компанией, Мухаммед обязательно отказывался. То же происходило с Иматом, если Мухаммед приглашал присоединиться к суданской компании.

«Что происходило, если вы втроем встречали сомалийцев или суданцев?» — спросила Лара. «Если их было один или два, то они присоединялись к нам. Если была целая компания, то Имат или Мухаммед отваливались к этой компании. Никто из них не отваливался, если мы вливались к интернациональную компанию», — пояснил я.

...Однажды мы пошли в район «Чечня». Это основной район Аддиса, где обитают проститутки. С нами были двое эфиопов. «Почему такое название?» — спросил я их. «Название появилось в 1990-х, когда Россия воевала в Чечне. Нелегальные money, бардак, кровь — такой Чечню показывали в телевизоре. То же самое было в том районе, поэтому местные так стали его называть», — пояснили эфиопы. «Да у вас под боком, в Сомали, происходило то же самое, даже похлеще. Почему не называли Сомали?» — очень хотелось спросить мне, но сдержался, ведь Имат обиделся бы.

«Чечня» занимала кусок улицы Майка Лейленда. В нынешнем своем состоянии она была вполне спокойна. Заведения, где можно арендовать девочку, снаружи декорированы гирляндами ядовито-зеленого или приглушенно-синего цветов. И никаких вывесок. Мы зашли в одно из, как сказали эфиопы, «недорогих». Земляной неровный пол, деревянные кривые столики, пластмассовые стулья, барная стойка. Негромко играла эфиопская попса. За столиками сидели девочки, пили что-то безалкогольное. Я заметил одну белую — невысокая, полноватая, зато блондинка. Она, должно быть, пользовалась успехом у африканских клиентов. Клиенты, среди них ни одного «фаранджи», исключительно африканцы, отчанно пили «Марафон», водку или еще что-нибудь крепкое. Грубо подзывали девочек, те подходили. Договорившись, клиенты и девочки удалялись в темный коридор сбоку от барной стойки. «Там комнаты с кроватями», — пояснил один из наших эфиопов.

«Ты выбрал себе девочку?» — спросила Лара и прищурила свои чернющие берберские глаза. «Зачем платить деньги за то, что можно получить бесплатно и с большим удовольствием? Мне было любопытно. Мы провели в заведении около часа. Имат выбрал себе девочку — ту, белую. Один из эфиопов взял местную с длинными дредами. Мы дождались, когда они вернутся, и отправились дальше, в кальянную. Хотя, да, проститутки подходили ко мне и спрашивали, не хочу ли я „отдохнуть“. Наверное, они думали, что я смущаюсь с ними заговорить».

...Проблема в том, что ни Имата, ни Мухаммеда — настоящих экспертов в ночной жизни Аддиса — совершенно не интересовала культура эфиопов, их традиции, их обычная повседневная жизнь. Они ни разу не заходили в эфиопские православные церкви, например. Поэтому днем я гулял по городу без них. Может, оно и к лучшему. Сомневаюсь, что в резиденцию императора Менелика Второго меня бы пустили бесплатно с ними. С этой резиденции начался Аддис. 150 лет назад эфиопский император построил себе резиденцию на высоте 2300 метров, на вершине горы Энтото, потому что там имелись горячие источники, полезные для здоровья его жены. Два овальных, похожих формой на листья ката, просторных здания с соломенными крышами. В одном, второй этаж которого опоясывал балкон, император жил с женой, прислугой и охраной. Монаршья пара занимала второй этаж. Отдельная комната для него, отдельная — для нее. Шикарно по-африканским меркам той поры. Охрана и слуги спали вповалку в общей комнате на первом этаже. Только для оружия отводилось отдельное помещение. Второе здание предназначалось для имперского совета; он собирался и заседал, когда требовалось Менелику Второму. Во втором здании также располагался магазин: на вмурованных в стену коровьих рогах развешивались сумки с товарами. Имелся отдельный домик для гостей — когда я его увидел, подумал, что это сарай для хозяйственной утвари — тесное прямоугольное помещение без окон. Вроде бы именно в этом сарае-гостинице проживал в 1880-х французский поэт Артюр Рембо, который приехал в Аддис, чтобы договориться с эфиопским правителем о поставках оружия из Европы. Рембо к тому времени перестал писать стихи и занялся торговлей оружием. За несколько лет до приезда француза на территории резиденции отстроили право-

славную церковь — Марьям Энтото. Круглое помещение — тех же размеров, что и гостевой дом, — с конусовидной соломенной крышей, увенчанной крестом. Дальше Аддис разрастался вниз по склону горы и вширь. В современной Эфиопии резиденцию императора, конечно, превратили в музей. Ее вместе с церковью оградил внушительным глухим забором, прилепили перед входом кассу и охранника. В музей вход платный — 500 быр (на них в дешевых забегаловках Аддиса можно питаться неделю), но если ты в церковь, то можно и бесплатно. Охранник остановил меня и указал на кассу. Я объяснил, что иду в церковь, а так как я православный, то платить за вход туда — грех для меня. «Чыгыр але (Иметь проблемы)», — пояснил я несколько раз охраннику на амхарском. Он в итоге обнял меня и показал, что могу проходить. Я зашел в церковь — внутри помещались иконы всех православных стран и эпох, курился ладан в подвешенной к потолку кадильнице, — а затем в резиденцию. Уверен, что Имат и Мухаммед не стали бы доказывать, что они православные, чтобы сэкономить 500 быр. Они охотнее отправились бы вниз, в центр города, чтобы потратить их на 20 бутылок пива «Хабеша» в магазине или на 10 — в любом кабаке.

Сомалиец и суданец отказались пойти на центральный футбольный стадион Аддиса, чтобы посмотреть на главное дерби эфиопского чемпионата: «Бунна» — «Сент-Джордж». А я пошел, потому что для эфиопов футбол столь же важен, как православие. Главное было наблюдать не за игрой, а за экстазом, в который впадали болельщики на трибунах. Спонсор «Бунны» — национальная кофейная компания, «Сент-Джорджа» — пивная. Поэтому дерби называют «Кофе» против «Пива». Я оказался на трибуне «Пива». Болельщики в футболках с фирменной кучерявой головой, которая изображена на этикетках и крышках «Хабеша». Флаги Эфиопии и команды, барабаны, трубы, музыка из колонок, поставленных на плечи и головы, танцы — пластичные худые тела извивались по-змеиному. После матча подростки-фанаты дрались, собравшись на площади Мескель, в двух кварталах от стадиона. Взрослые и полицейские патрули не обращали на них внимания. Не помню, кто победил в матче, но в драке в итоге пацаны в футболках с надписями «Ethiopian Coffee» разогнали «пивных» — без крови, оплеухами и пинками.

По утрам я в одиночку гулял по бедным кварталам Гарджи. Жители высыпались из домиков, построенных из листов железа или фанеры, и двигались к автобусным остановкам, чтобы ехать на работу. Пастухи гнали коз в сторону пастбищ. Из магазинов одежды продавцы выносили наряженные манекены. В уличных кофейнях жарили зерна одетые в яркие платья женщины и девушки. Я заходил в одну из кофеен и заказывал чашку кофе за 5 быр — стандартная цена. Местные, работавшие в Гарджи, тоже рассаживались пить кофе или завтракать — обычно это йогурт с острой инджерой: в соленый блин заворачивали кусочки такого же блина, обмазанного липкой смесью очень острого красного перца. Я заговаривал с местными, чтобы практиковать знания в амхарском. Эфиопы терпеливо старались ответить на вопросы так, чтобы понял, разъясняли неизвестные слова. Когда работающие в других районах разъезжались, темп улиц сразу замедлялся, они словно погружались в дремоту до вечера — когда будут возвращаться разъехавшиеся.

Лара

Она родилась в Алжире. Ее семья принадлежит к берберскому племени кабиллов. Самый известный французский футболист XX века Зинеддин Зидан тоже из кабиллов. Его родители переехали из французской колонии Алжир в Марсель, где родился Зидан. Клан Лары является родственным клану Зидана, у них общие пастбища и святилища. Ее семья переехала во Францию из независимой республики Алжир, когда Лара была подростком. В тот же Марсель. Любопытная девочка из семьи строгих нравов попала

под развратное влияние местной молодежи. В восемнадцать лет родила дочь от рок-музыканта («Но он не хотел менять свою жизнь, подстраивать ее под нужды ребенка. Он хотел и дальше нюхать кокаин и трахаться со всеми подряд. На его сексуальную жизнь мне было плевать, но дорожки кокса возле кровати с малышом не могла вытерпеть. В общем, мы расстались»). Дочь Лара отдала на воспитание родителям, а сама выучилась на историка в тихом и скромном Авиньоне, стала специалистом по истории Восточной Африки. Начала преподавать в университете в том же Авиньоне.

«В каких странах Восточной Африки ты успела побывать?» — спросил я. «Не очень много. Пока лишь в Танзании и Кении. Скучные страны, хотя в них легко заниматься исследованиями, чтобы сделать научную карьеру, — она помолчала. — Мне интересно, когда... ты же понимаешь, как круто быть первооткрывателем, а не идти по чужому натопанному пути, лишь добавляя мелкие детали к его описанию. Поэтому я выбрала Сомали».

...Гостевой дом, где я проживал, занимал целиком трехэтажное здание с собственным небольшим двориком, выложенным плиткой. В нем умещалось три десятка комнат разного уровня комфорта. В самой дешевой не было окон, из мебели — кровать и один стул. Самый дорогой номер — комната с одним или двумя окнами, кроватью, двумя стульями, прикроватной тумбочкой и ванной с туалетом. Мой номер средней стоимости: окно, душ, кровать и стул. Туалет — общий, примыкающий к самому дешевому номеру. Второй этаж с длинным балконом. На третьем этаже находилась гостиная с креслами, столиками и полками, на которых стояли бокалы и стаканы. На первом — кухня. Я подрабатывал тем, что редактировал статьи для новостного агентства. Агентство присылало мне по Интернету текст, я правил и отсылал обратно. Попив кофе в уличной кофейне, я возвращался в гостевой дом и работал, сидя на балконе. Когда тень отступала с балкона, я перебирался в гостиную. Работа занимала три-четыре часа в день. Хотя случались дни, когда приходилось проводить перед монитором ноутбука по десять-двенадцать часов.

«Новенькая девушка прибыла. „Фаранджи“, кажется», — бросил Мухаммед, сидевший на балконе, когда я шел в туалет. «Сейчас взглянем», — сказал я. Я собирался идти на концерт джазовой группы из Гвинеи-Бисау, которая приехала в Аддис ради единственного концерта. Имат неделей раньше уехал по делам в Сомали, а Мухаммед сказал, что джаз его не интересует. Надев светлое поло, выглаженные темные брюки и светлые кроссовки, я спустился во дворик. Во дворе, как обычно, горел желтоватый тусклый свет фонаря. Владелец гостевого дома Тони говорил с девушкой, которая сидела на пластмассовом стуле, закинув ногу на ногу, и курила. «Как дела, брат? — Хлопнул он меня по плечу. — Куда идешь?» Девушка выпустила дым: «Привет. Я — Лара».

«И ты предложил пойти с тобой мне и Тони. Я, если честно, в тот момент собиралась покурить и ложиться спать. Но ты был настойчив в своих приглашениях», — и Лара толкнула меня лбом в плечо. «А Тони, как обычно, отказался. Он ни разу не ходил ни на один концерт или вечеринку, куда я его звал», — сказал я, обняв ее за плечи. «И после концерта ты предложил ехать автостопом. Я не верила, что двоих белых подвезут бесплатно. Была уверена, что тут воспринимают белых как мешки с деньгами».

...Мы вышли из кафе, где закончили играть ребята из Гвинеи-Бисау, и спустились до площади Мескель. Время — давно за полночь. На тротуарах площади спали бездомные: худые ноги торчали из-под ворохов тряпья. Редкие авто — в основном крашенные в сине-белый цвет такси — проезжали мимо. Мы перешли к проспекту Боле, и я зама-

хал попутке. Блестящий в ночных фонарях черный внедорожник проехал, поигналив. Остановился микроавтобус. «Салямну», — поприветствовал я водителя на амхарском. «Я по-английски понимаю, брат. Куда вам?» — сказал он. Из его магнитолы играл главный хит сезона «Shashamannee» Теди Афро. «Вы куда едете?» — спросил я. «Мне в аэропорт», — ответил он. Я сказал, что у него играет отличная песня и нам по пути — в Гарджи, рядом с аэропортом, но заплатить мы не сможем. «Как это у вас нет денег?» — искренне удивился водитель. «Брат, ты сейчас можешь сделать доброе дело. — Я взглянул на зеркало заднего вида над головой водителя. С него свисал деревянный православный крест. — Ты же христианин, брат. Бог видит все добрые дела. Ты поможешь нам, потом кто-то обязательно поможет тебе». Лара, поджав губы, смотрела на меня, будто я нес полную ахинею. «Эши (ладно). Садитесь, брат», — водитель поцеловал крест, свисавший с зеркала заднего вида.

«И в ту ночь мы первый раз пришли в эту гостиную, и ты предложил попробовать „Марафон“, — сказала Лара и улыбнулась.

...Через пять дней мы с ней начали жить вместе. Я перебрался в ее, самую комфортную в доме, комнату. Тони, узнав об этом, пожал мне руку, сказал «поздравляю». Мухаммед предложил отпраздновать вечером на балконе. Они смотрели на ситуацию, будто я и Лара поженились. Хотя мы свои отношения столь серьезными не считали.

Лара готовилась к экспедиции в Сомали. Планировала попасть в автономную его часть, хотя фактически независимое государство, Пунтленд. Там она надеялась найти руины нескольких древних городов, которые три тысячи лет назад основали предки эфиопов — колонии государства Саба, библейского Царства Савского. Она обнаружила упоминания о них в архивах португальских иезуитов XVI века. К французской алжирке должен был присоединиться британец Джеймс, антрополог. Его она дождалась в Аддисе.

Царство Савское в Пунтленде

Не обладая глубокими знаниями по истории Эфиопии и Сомали, из рассказов Лары я понял, что три тысячи лет назад государство Саба, занимавшее юг Аравийского полуострова, начало отправлять колонистов через Красное море в государство Пунт, занимавшее территорию нынешнего Сомали. Саба торговала ладаном, Пунт активно закупал его, чтобы использовать в религиозных обрядах. Поэтому сабейским колонистам разрешили основать поселения на морском побережье и во внутренних областях страны. За тридцать лет до рождения Христа Царство Савское разгромили и покорили новые завоеватели Аравийского полуострова. Что стало с сабейскими колониями в Пунте — неизвестно. Но в XVI веке португальские иезуиты, высадившиеся в Сомали и направлявшиеся в Эфиопию, на пути посетили несколько грандиозных заброшенных старинных крепостей. Рядом с ними жили очень бедные племена, говорившие на амхарском. Соседние сомалийские племена ничего толком о них не знали, кроме того, что они тут живут «с давних-давних пор, когда Адам и Ева еще гуляли в Райском саду».

Современный Пунтленд появился на осколках рухнувшего в гражданскую войну Сомали. Местные полевые командиры отхватили себе территории и провозгласили собственное государство. Назвали в честь легендарной страны. Спустя несколько лет они договорились с признаваемым ООН и другими государствами правительством в Могадишо, хотя оно ничего, кроме столицы, не контролировало, о своем автономном статусе в составе Федеративной Республики Сомали. Но полевые командиры продолжали жить по собственным правилам, законы и указы из Могадишо их не очень-то беспоко-

или. Лет пятнадцать назад они занялись пиратством. Раздали нищим рыбакам автоматы, гранатометы и хорошие моторы для лодок. Рыбаки, отчалив от побережья Пунтленда, рыскали в Индийском океане и Аденском заливе — нападали на иностранные сухогрузы и танкеры. Захваченные суда освобождали, получив солидные выкупы от компаний-владельцев. ООН пригрозила Пунтленду оккупацией силами международного военного контингента. Полевые командиры подуспокоились и пиратство свернули. Они даже объявили, что у них демократия, и договорились, кто будет президентом. Имат рассказывал, что пару раз ездил по делам в Пунтленд. Каждый раз он детально обговаривал условия безопасности с теми полевыми командирами, к которым ехал. Его обязательно встречал и сопровождал кто-то из местных на автомобиле. В такую страну Лара собиралась ехать на поиски древних руин. Она уже связывалась с властями Пунтленда, договаривалась об условиях работы. Министр культуры по имени Юсуф, бывший отчаянный головорез, чьи боевики захватили в свое время три десятка иностранных судов, сказал, что очень рад, что европейские ученые заинтересовались его родиной, и пообещал «всяческое содействие».

...«Поехали со мной, — предложила мне она. — У тебя очень крутой опыт. Ты в нашей команде можешь стать консультантом по безопасности. У меня есть деньги, чтобы оплатить твою работу. Самое главное — я доверяю тебе. В Пунтленде никому не доверяю. Особенно не доверяю министру-головорезу Юсуфу. Нужен надежный человек. Джеймс — хороший ученый, но ни разу в „горячих точках“ не бывал. Поехали вместе, пожалуйста». Мы в гостиной на третьем этаже. «Марафон» закончился. Она курила, а я пил кофе. На улице ночь, шорох листьев банановых пальм, изредка проезжали автомобили.

Босасо

Джеймс прилетел в середине января. Не один. Прихватил с собой аспирантку. Высокая, ухоженная, на длинных стройных ногах — она сразу не понравилась Ларе. «Putain, — выругалась Лара по-французски, когда мы остались наедине. — Зачем она нужна? Взять с собой молоденькую курицу, будто мы на пикник собираемся. О, я думала, что Джеймс умнее». Аспирантку звали Милица. «Родом из страны, которой больше не существует, — из Югославии. По паспорту — хорватка», — представилась она. Ее отец много лет работал в югославском посольстве в Могадишо. «Поэтому я уверен, что польза от нее будет», — объяснил британец. Он и Милица поселились в разных комнатах. Общался он с ней, соблюдая формальную дистанцию. По крайней мере, в присутствии меня и Лары.

В первый вечер Джеймса и Милицы в Аддисе мы вчетвером отправились в ресторан в Гарджи. Ресторан располагался в глубине рынка. Рынок сворачивался. Продолжали работать только торговцы фруктами, лотки, на которых жарились во фритюрницах картофельные чипсы, и лотки, продававшие кат. Проезжавшие мотоциклы и автомобили поднимали клубы пыли. «Ребята, это великолепно. Какая замечательная атмосфера», — восхищался Джеймс.

Владелец ресторана хорошо знал меня и Лару. Когда официантка увидела, что мы пришли, тут же отправилась за владельцем. Я и Лара были единственными неэфиопами, которые посещали этот ресторан. Он частично располагался в помещении, сбитом из листов фанеры — в этой части находились барная стойка, деревянные скамейки и столы, — частично под навесом, натянутом из рекламных баннеров — в этой части стояли пластмассовые столы и стулья. Кухня располагалась позади ресторана в глинобитном помещении с соломенной крышей и железной трубой. Сбитый из фане-

ры туалет примыкал к кухне. Мы сели под навесом, чтобы наблюдать, как сворачивается рынок.

«Э, дорогие мои друзья, не видел вас очень давно. Вы сегодня с новыми друзьями, да?» — появился владелец. Он разбавлял английскую речь словами на амхарском. Я с ним обнялся и почувствовал, что от него порядком несет перегаром. Затем он обнялся с Ларой, а Джеймсу и Милице просто подал руку. Сел за наш столик: «Что хотите? Как обычно?» — он посмотрел на британца и хорватку. «Они первый день в Аддисе, — пояснил я. — Надо угостить их действительно хорошим местным. Поэтому килограмм шекла-тибс и литр тэджа». Владелец помахал рукой официантке и распорядился. Она скоро принесла бутылку с тэжем и пять стопочек. «Это традиционное эфиопское вино, — объяснял я Джеймсу и Милице. — Готовится из веток и листьев местного дерева с добавлением меда, поэтому имеет оранжевый цвет». Владелец добавил: «Из веток и листьев дерева гешо. Это мое домашнее. Тут сорок градусов», — он взял бутылку и наполнил стопочки. «За встречу, за вас, за Эфиопию», — произнес он тост.

Мы опустошили бутылку наполовину, когда официантка принесла шекла-тибс. На металлическом подносе стоял глиняный горшок с двойным дном. В верхней части горшка лежали кусочки говядины, обжаренные с луком и веточками розмарина. Они шкворчали в масле, потому что в нижней части находились горячие угли. Угли можно было добавлять или убирать через квадратное отверстие. «Мајко божја, како је лепа», — восхитилась Милица. «Что?» — не понял владелец ресторана. Для него ее родной язык, пожалуй, звучал грубо. «Говорю, это великолепно», — пояснила Милица. Официантка поставила тарелку со свернутыми блинами инджеры. «Наслаждайтесь. Я пойду. Позже снова увидимся», — владелец ресторана похлопал меня и Джеймса по плечу и удалился в чрево заведения. «Едят следующим образом», — я оторвал кусок инджеры и подхватил мясо из горячего горшка. «Аплодирую эфиопской кухне. Восхитительно. Бывшая Югославия — страна мяса. Но у нас ничего подобного не готовят», — прокомментировала Милица. Она тремя пальцами осторожно брала инджерой мясо и тщательно пережевывала, почти не двигая челюстью. После каждой порции обязательно вытирала губы своим темным платком.

«Когда обсудим дела?» — спросил британец, обращаясь к Ларе. «Не здесь. В гостевом доме есть прекрасная общая комната на третьем этаже. Вернемся, посидим и обсудим детали. Смакуйте эфиопскую кухню. Это один из лучших ресторанов, в которых я бывала в жизни. Епјоу», — и она показала мне жестом, чтобы снова наполнил стопочки тэжем.

Мы покидали ресторан последними из посетителей. Официантка подметала бетонный пол. Владелец уже отправился домой. Рынок погрузился во тьму и тишину, которую нарушало тарахтение изредка проезжавших мототакси «бадждаж». Большинство «бадждаж» проезжали, не включая фары. «Мы поедем домой на одном из этих такси?» — спросил Джеймс. «Нет. Пешком. Отсюда возвращаться совсем близко. Тут безопасно, — объясняла Лара. — Мы еще не в Сомали, Джеймс». Хорватка заулыбалась, а британец, кажется, обиделся.

В гостиной на третьем этаже сидели несколько человек, включая суданца Мухаммеда. Я и Милица присоединились к ним, а Лара с Джеймсом решили спуститься на кухню и обсудить дела. «У тебя есть конкретная специализация?» — спросил я хорватку. Она окончила университет по специальности «Общая антропология» в Италии. На последнем курсе съездила с отцом в Могадишо. «Сомалийцы — очень интересны, их отношения между кланами, традиционное право хээр, которое заменяет им государственные законы. Очень своеобразная нация, но ее совсем не изучают из-за войны. И страна у них красивая — полоса гор и саван вдоль Индийского океана. Сейчас я пишу исследование про роль женщин в традиционной системе власти. Как их роль регу-

лирует хээр», — рассказала Милица. «И тебя не пугает, что у них война всех против всех?» — спросил я. «Отец объяснил мне, что если у тебя есть надежные покровители на той территории, где ты находишься, из местного клана, из местных полевых командиров, проблем не будет. Они занимаются твоей безопасностью, ночлегом, едой, находят транспорт, чтобы передвигаться на местности. В общем, полный сервис гостеприимства». Когда она находилась в Могадишо, жила в одной из самых охраняемых гостиниц («Своя вертолетная площадка, перед въездом дежурили броневики, а на крыше снайперы»). По городу она с отцом перемещалась на бронированном джипе в сопровождении двух пикапов с вооруженной охраной. «Однако мне не показалось, что город ужасно опасный. За неделю я ни разу не слышала ни стрельбы, ни взрывов. Отец тоже говорит, что сомалийцы больше сами нагнетают страсти, чем есть в действительности. Им это выгодно — можно просить больше денег у европейцев и американцев на безопасность», — рассуждала хорватка. Оказалось, что с Джеймсом ее свел дорогой папа. Он пообещал британцу помощь с финансированием поездки в Сомали, если возьмет с собой Милицу. «Полагаю, что именно это сейчас обсуждают Лара и Джеймс», — сказал я. Хорватка в ответ пожала плечами — на лице выражение полной беззаботности. Сомалийского она не знала. Информацию для исследования черпала в англоязычных и италияязычных источниках. «Итальянцы, когда Сомали являлось их колонией, провели хорошую этнографическую работу, чтобы понять структуру местных сообществ. Уверена, что даже у самих сомалийцев нет подобных качественных работ до сих пор», — пояснила она.

Лара и британец вернулись. Алжирка села, прижавшись ко мне, и шепотом на ухо сообщила: «Ничего не спрашивай. Потом расскажу».

Когда мы оказались в своей комнате под одеялом, она сказала, что Милица строит из себя Луизу Казати. «Кто такая Луиза Казати? Первый раз слышу», — отреагировал я. «В начале XX века жила в Италии маркиза Луиза Казати. Ее девиз: „Я хочу стать живым шедевром искусства“. Очень эксцентричная дама, — рассказывала Лара. — На прогулки выходила с гепардами. В качестве украшений использовала живых змей. Они обвивали ее шею или лежали на плечах. Она умела одеваться со вкусом и жить со вкусом. В нее были влюблены самые известные итальянские поэты и писатели. Десятки художников просили написать ее портрет. Ей нравилось позировать для картин обнаженной. В какой-то момент вся культурная жизнь Италии концентрировалась на ее вилле». Она закончила, она гневно сопела. Взяла сигареты с пола. «Если судить по тому, как Милица одевалась сегодня, то особого вкуса я не заметил: драные джинсы, блеклая фуфайка, даже не обратил внимания, что у нее на ногах. В то же время манерная, да. Давай честно, ты ее ревнуешь. Но если она действительно пытается быть, как ты говоришь, эксцентричной маркизой, то это создаст нам проблем в поездке. И все же... я поговорил с ней немного. По-моему, она неглупа», — сказал я. «Казати тоже не была глупой. Выбора у нас все равно нет», — и Лара закурила.

Через пару недель мы вылетали из Аддиса в город Босасо — морской порт в Пунтленде, где нас ожидал министр-головорез Юсуф. Салон самолета авиакомпании Ethiopian Airlines был поделен на бизнес и эконом-классы. Наши места в экономе. Кроме нас, ни одного белого. Сомалийцы в длиннополых белых рубахах дишдаш и шапочках, похожих на среднеазиатские тюбетейки или оманские кума. Несколько женщин, заматанных с ног до головы в черные абайи. Мужчины шумно рассовывали свои тюки на полки для ручной клади — с силой заталкивали их внутрь. Эфиопка-стюардесса попросила нас следовать за ней. Мы прошли в бизнес-класс. Там сидели всего два пассажира: два толстых африканца в деловых костюмах. «Пожалуйста, садитесь здесь, где вам удобно», — сказала стюардесса, указывая на ряды свободных кресел. Деловые африканцы скоро заговорили с нами, расспрашивали, зачем мы в Босасо. «Пересадка, а дальше

в Могадишо?» — предположил один. Они летели именно в Могадишо, дипломаты. «Мы в Босасо. Мы — ученые», — сказал Джеймс. Я и Лара изображали большой интерес к беседе. Милица со скучающим видом отвернулась к иллюминатору.

Перелет от Аддиса до Босасо занял полтора часа. Самолет снижался над рыжей выжженной саваной. Сбоку показалось море — Аденский залив. Взлетно-посадочная полоса тянулась вдоль моря. Несколько полуразрушенных ангаров, ржавый самолетный хвост со следами национального флага Сомали, несколько туш давно подбитых бронетранспортетов, диспетчерская вышка и примыкающий к ней небольшой прямоугольник терминала. И ни одного самолета или вертолета. «Ощущение, будто приземляемся на планету, где давно погибла цивилизация», — прокомментировала Лара. Но никакой тени тревоги в ее голосе.

Посадка. Шасси мягко ударились в полосу, шелест торможения заполнил салон. Самолет вырулил к терминалу. Вдоль него выцветший баннер с надписью: «Добро пожаловать в Босасо!» и трехцветный флаг Пунтленда на крыше. Лара вытащила из рюкзака абайю и замоталась в нее с головой. Милица последовала ее примеру, но волосы закрыла не полностью, только затылочную часть — это выглядело привлекательнее, чем целиком покрытая голова. К самолету направлялись несколько человек, среди них одетые в пятнистую военную форму и вооруженные автоматами Калашникова. «Удачи», — пожелал нам дипломат, направлявшийся дальше в Могадишо. Его коллега молча поднял раскрытую ладонь.

Мы спускались по трапу. Лара первой. «Это за нами. Юсуф», — сказала она. От группы отделился полный мужчина, одетый на арабский манер: круглая шапочка, дишдаш с расшитым воротом и шлепанцы из темной кожи. Он развел руки в стороны, приглашая в свои объятия.

Министр Юсуф

Как настоящий полевой командир, хозяин людей и оружия, министр культуры Пунтленда Юсуф не утруждал себя изучением иностранных языков. Возле него вился худощавый высокий парень в синем деловом костюме, с блокнотом и ручкой. Он выполнял функцию переводчика. «Свуидан», — показал на него пальцем Юсуф. «Господин Юсуф имеет в виду, что я учился в Швеции», — пояснил переводчик.

У каждого охранника бугрилась правая или левая щека — они жевали кат. Автоматы у них были сняты с предохранителей. Это создавало определенное напряжение — по крайней мере, для меня. «Господин Юсуф просит, чтобы вы сдали свои паспорта. Никаких проблем. Чистая формальность. Необходимо, чтобы вам поставили въездные штампы», — сказал переводчик. Мы протянули паспорта. Юсуф махнул рукой одному из охранников, тот забрал у нас документы и отправился к двери в терминал, через которую заходили остальные пассажиры, прилетевшие с нами. Мы отправились к другой двери. Я спросил переводчика: «У охраны автоматы сняты с предохранителей. Почему? В Босасо неспокойно?» Тот широко улыбнулся: «Правда? Я не знаю. Ничего не понимаю в оружии. В Босасо мир и порядок. Это в Могадишо бывают террористические атаки. Босасо — город клана дарод. Господин Юсуф — один из самых влиятельных людей в дарод. Здесь вам ничего не грозит, не волнуйтесь».

Мы прошли через терминал по прямому коридору и вышли на парковку. Парковка представляла собой кусок пыльной земли, отгороженный проволокой от остального пространства. Под пляжным зонтиком на пластмассовом стуле сидел охранник — пятнистая униформа и автомат на коленях. Юсуф, показывая на три черных внедорожника, что-то сказал переводчику. Тот обратился к нам: «К сожалению, вы все не уместитесь в один автомобиль. Господин Юсуф предлагает двоим ехать в одной машине

с ним, двоим — в другой машине». Номера у автомобилей отсутствовали. Охранник с паспортами спешил к нам от терминала. «Пожалуй, разумно будет, если с министром поеду я и Джеймс. Мы обсудим дела», — предложила Лара. Никто не возражал.

Вместе со мной и Милицей сели два охранника — один впереди, другой сзади. Я сел между хорваткой и охранником. Тронулись. От аэропорта к городу вела разбитая дорога без намека на асфальт. Мы ехали вдоль моря — оно пенно покусывало белый песчаный пляж. Охранник с переднего кресла протянул мне пучок ката. Я отрицательно помотал головой и в знак благодарности приложил правую руку к сердцу.

«Милица, дарод — влиятельный клан в здешних местах?» — спросил я. «Пунтленд — их земля. Они тут доминируют. Поэтому когда в Сомали началась гражданская война, они организовали собственное государство, Пунтленд», — ответила она, глядя на море. «Почему бывают разборки внутри клана?» — продолжил я. «Каждый сомалийский клан делится на субкланы. Субкланы пытаются доминировать внутри своего клана. В Босасо управляет субклан дишиише. Он вообще сейчас, насколько я понимаю, является главным в Пунтленде. Правда, у них расклады часто и быстро меняются. Сегодня — дишиише, завтра — кто-то другой», — пояснила хорватка. Охранник сбоку от меня повернулся и радостно затараторил: «Дишиише, дишиише. Дишиише very good», — и поднял большой палец в сжатом кулаке.

Начинался город. Похожая на бедные кварталы Гарджи окраина — такие же домики из фанеры и металлических листов, крытые соломой или водонепроницаемой тканью для баннеров. Асфальта по-прежнему не было. Местные шли или ехали на велосипедах по середине дороги. Внедорожник впереди нас, в котором ехал Юсуф, сигнализировал им, чтобы сместились в сторону. Чем глубже в город мы пробирались, тем чаще авто появлялись на улицах. Больше всего — мототакси «баджадж», оснащенных скамейкой и крышей для пассажиров. «Баджадж» обязательно были разрисованы вручную или облеплены яркими наклейками. На одном, который мы обогнали, сбоку красовались друг за другом портреты Боба Марли, Че Гевары и Саддама Хусейна. Милица попробовала его сфотографировать с помощью телефона, но не успела.

Появился асфальт. Мы въехали в кварталы аккуратных каменных особняков, прятаящихся за глухими каменными же изгородями. Поверх некоторых изгородей тянулись ряды колючей проволоки. Над кварталами маячили белые граненые минареты. Попадались будки, в которых сидели вооруженные люди в униформе — обычно по одному. Кое у кого даже имелись шевроны на рукавах. У охранников, которые ехали с нами, я так и не увидел каких-либо знаков различия. Вывернули на широкий проспект — похоже, центральную улицу города. Здесь встречались внушительные здания в три и четыре этажа, обвешанные надписями на сомалийском и арабском. Остановились перед металлическими воротами, над которыми торчала вышка с охранником в малиновом берете. Охранник поднес рацию к губам. Ворота поползли в сторону. Внутри охранники с пистолетами на боку осмотрели днища машин — обычная процедура в «горячих точках»: проверяют, не прикреплена ли снизу бомба. Автомобили проехали еще немного и остановились перед серым, без лишнего декора зданием. Мы вышли и последовали за Юсуфом по красному ковру через центральный вход. Все охранники остались снаружи. «Пожалуйста, оставьте свои телефоны здесь», — попросил переводчик перед стойкой гардероба. Далее поднялись на второй этаж. Коридор. Комната с секретаршей, у которой прозрачный платок кокетливо накинут на затылок, белоснежная улыбка на черном лице, за ней просторный кабинет. Мы расселись на диваны, а министр за деревянный резной стол под портретом сухощавого коричневого старика в белом тюрбане. В углах кабинета стояли флаги Сомали и Пунтленда. «Это рабочий кабинет господина Юсуфа, — объяснял переводчик. — Что вы желаете пить?» Мы попросили кофе и воды. Переводчик вышел. Юсуф смотрел на нас по очереди и широко улыбался, выложив по-хозяйски сцепленные руки на стол. На среднем пальце правой

руки у него имелся внушительный серебряный перстень с лазуритом. «Good?» — спросил он. «Good», — хором подтвердили мы. Милица через мгновение добавила: «Ад у ванагсан». Юсуф громко засмеялся и погрозил ей пальцем: «Сомали, сомали». Вернулся переводчик. Юсуф говорил ему, показывая на хорватку. «Вы знаете сомалийский?» — спросил ее переводчик. «Совсем немного. Только самые простые фразы», — ответила она. «Все равно это хорошо, очень хорошо. Сомалийцам очень нравятся иностранцы, которые хотят говорить на нашем языке», — довольно сказал переводчик.

Через пару минут секретарша внесла кофе. Заварен он был ничуть не лучше, чем кофе в самых дешевых кофейнях Аддиса. Мы вели ни к чему не обязывающий любезный разговор с министром Юсуфом. Он рассказывал про Босасо, про его экономику, про «громадный потенциал» этой экономики, про то, что сюда приходят арабские сухогрузы с товарами из стран Персидского залива... «Спросите господина Юсуфа, — обратилась Лара к переводчику, — как обстоит ситуация в районе, где мы намерены провести исследования? И спросите, когда мы туда поедем? Нас интересуют конкретные сроки». Переводчик постоянно улыбался. Его голова крутилась, словно на шарнирах. «Сейчас завершаются переговоры с местными старейшинами. Господин Юсуф хочет организовать ваши исследования по первому разряду. Вы сможете выехать через три-четыре дня», — перевел он ответ. Министр снова заговорил, указывая на дверь. Переводчик покинул и сообщил нам: «Теперь вы можете отдыхать, получать наслаждение от Босасо. Охрана доставит вас в гостиницу. Я поеду с вами».

Охранники бездельничали в тени пальм. Они снова жевали кат. Небрежно держали автоматы. Переводчик отдал им распоряжение, и они сели вместе с нами в автомобили. «Что ты сказала Юсуфу, что его столь обрадовало?» — спросил я Милицу. «Ад у ванагсан? Значит „очень хорошо“ на сомалийском», — ответила она. Охранники, сидевшие с нами в автомобиле, довольно затаили: «Ооо, сомали».

Босасо совершенно не походил на город, имеющий хоть отдаленное отношение к военным действиям, — ни ритмом жизни, ни внешним видом. Обычный мирный город очередной недостраны третьего мира. Пообшарпаннее и победнее, чем Аддис, но и такого количество нищих и бездомных, как в эфиопской столице, здесь я не заметил. Набережная находилась в состоянии бесконечного ремонта. Стояли штабеля плитки. Несколько участков тротуара выложены. Рабочие копошились вокруг ямы. На них глазел мужичок в замызганном дишдаш, опираясь на старенький велосипед.

Мы остановились перед бело-голубым трехэтажным зданием. В тени входа, скучая, сидел очередной охранник с автоматом Калашникова. Вывеска на арабском. Охранник поднялся, когда мы приблизились к нему. «Это лучшая гостиница в городе. За безопасность не переживайте. У администратора есть „тревожная кнопка“. Если вдруг будут проблемы, он нажмет ее, и в течение двух минут прибудет группа быстрого реагирования», — рассказал переводчик. Он потрогал себя за подбородок и добавил: «Хотя напомню. Босасо — не Могадишо. У нас мирно и спокойно. Господин Юсуф прилагает очень много усилий, чтобы сделать Босасо привлекательным для иностранных туристов».

Каждому из нас полагалась отдельная комната с балконом на втором этаже. Свои душ и туалет, односпальная кровать, шкаф для одежды, журнальный столик, два стула и вентилятор в каждой комнате. Охранники принесли наши рюкзаки. «На первом этаже имеется ресторан». Переводчик тоже поселился на втором этаже.

Заложники гостеприимства

С наших балконов вид на огороженный гостиничный пляж и синее море. Недалеко слева — порт. У горизонта на рейде пара сухогрузов. Деревянная рыболовная шхуна с высоко задранной носом плыла в сторону порта. Шум прибоя смешивался с гроном города.

Аденский залив — аппендикс Индийского океана. Он отделяет Аравийский полуостров от Африканского Рога. «Он для арабов и африканцев, как степь для азиатских кочевников, — сравнила Лара. — Несколько тысяч лет жители Аравии и Африканского Рога пользуются Аденским заливом как самым удобным и коротким путем. Благодаря ему страна Пунт узнала о ладане Царства Савского и здесь появились крепости, ради которых мы прибыли». Мы вчетвером расселись на полу на балконе ее комнаты. Я принес припасенный в рюкзаке тэдж. «Много пить не будем, так как пока не разобрались толком в местной обстановке, но по чуть-чуть отметить начало нашей экспедиции можно». Мы потягивали тэдж и наблюдали, как меркнет свет нашего первого дня в не признанном ни одним «взрослым» государством Пунтленде. На пляж под балконом заходили сомалийцы, видимо, местная элитка — женщины с непокрытыми головами и с открытыми до локтей руками, у мужчин рубашки и брюки. Мы приветственно махали друг другу.

Милица то и дело задевала меня локтями, а извиняясь, прижимала ладонь к моему плечу или ноге и смотрела в глаза. Лара зверела от ее поведения. Пора было разводиться с женщинами по углам, пока не назрел конфликт. Я украдкой показал Джеймсу, что надо расхаживать по комнатам. Он кивнул. И мы поднялись. «Дамы, пора». Оставшись со мной наедине в своей комнате, Лара сказала: «Вот же дрянь, я видела, как она пыталась тебя заграбастать». Она толкнула меня на кровать и начала раздеваться. Бешеный огонь во тьме берберских глаз.

Когда мы проснулись, Лара предложила сходить искупаться. Солнце еще не взошло. Сизый обманчивый свет. Город дышал размеренно и бесшумно. Море было неподвижно. Его цвет — свинцово-синий. Мы спустились по каменным ступеням к пляжу. Море оказалось приятнее, чем постель. Поплыли. «Она — с..., эта хорватка. Что думаешь?» — спросила моя французская алжирка. «Она хочет нравиться всем мужчинам, на которых обращают внимание женщины. Юношеский максимализм девочки, чувствующей собственную физическую привлекательность», — ответил я. Дальше мы плыли молча. У горизонта маячили два тех же сухогруза, что и днем ранее. Рыболовные шхуны выходили одна за другой из порта на промысел. «Любопытно, куда именно они направляются: ловить рыбу или пиратствовать? О, Пунтленд — царство пиратов и мертвых сокровищ...»

Когда мы плыли обратно к гостинице, из мечетей зазвучал азан — призыв на молитву. Над побережьем низко пролетела пара боевых вертолетов «апахи». Оглушительный рев от их винтов заглушил азаны всех многочисленных мечетей Босасо.

Мы не могли выходить из гостиницы в город без охраны. Таково было распоряжение Юсуфа. Министра культуры и полевого командира. И хозяина здешних мест. «Никто не смеет создавать вам проблемы здесь. Так распорядился господин Юсуф. Поэтому ходите где угодно, разговаривайте с кем угодно, но только в сопровождении надежных людей. То есть с вами должны быть охранники господина Юсуфа», — объяснил переводчик. Конечно, он, как всегда, улыбался и вертел головой, чтобы дать понять, что говорит со всеми разом. Милицу это устраивало. Она наблюдала за местными женщинами при разных обстоятельствах. Джеймса интересовали условности взаимоотношений между мужчинами из вооруженных формирований и мирными: торговцами на рынке, таксистами, работниками гостиницы, рыбаками. Он тоже занимался делом. Лара бесилась, потому что не было никакой конкретики, когда мы поедем в район, где она намеревалась найти сабейские руины.

Мы прожили в Босасо неделю. За это время Юсуф ни разу не заехал к нам. Переводчик (наконец-то он представился — Ахмед) пару раз при нас звонил ему. «Господин Юсуф очень занят. Он же министр. Дела неотлагательные», — объяснял Ахмед, убрав трубку от уха.

Мы превратились в заложников. В очень комфортном плену. Гостиницу нам оплачивал Юсуф. Море, блюда из местной рыбы, которые у нас не хватало сил доесть, автомобиль и охрана, если нам хотелось прогуляться. Плен устраивал всех. Кроме Лары. Хотя я понимал, что еще неделю в таких условиях и сам завою от тоски. Поэтому однажды вечером я предложил Ларе перелезть через ограду и отправиться гулять по городу без охраны. Она меня удивила своим ответом: «Нет. Ты с ума сошел». Она держала руку в щепоти перед моим лицом. «Ты понимаешь вообще, сколько усилий мне стоило организовать эту поездку?! Никаких провокаций, которые сорвут мои усилия! Понял?!» В эту ночь мы спали каждый в своей комнате.

Утром стук в дверь. Я открыл. Лара. «Извини. Я вчера погорячилась. Просто пойми, ведь я не хочу создавать новых проблемы для нашей поездки. И без того проблем хватает». Ясно, она очень переживала за свою экспедицию. Подобралась совсем близко к тому району, где нужно вести поиски, и вдруг застряла — из-за неких местных особенностей, которые нам непонятны. В чем проблема с выездом? Юсуф не может обеспечить нашу безопасность? От нас ждут денег (Лара обозначила ранее, что готова оплачивать помощь) или некоего содействия в местных делах? Больше всего Лару раздражало то, что она не понимала, как двинуть ситуацию, застывшую в невесомости местного гостеприимства.

В гостиницу приезжали состоятельные сомалийцы из других крупных городов страны, чтобы отдохнуть. Здешний кусок морского побережья считался самым безопасным в Сомали. Приезжие знакомились с нами, увидев в коридоре или на пляже, когда мы обедали, ужинали или просто сидели в круглых беседках с соломенными крышами. Нам приходилось раз за разом объяснять одно и то же — мы тут по научным делам. Сомалийцев это весьма удивляло. Никто из них раньше не видел ученых, приехавших в их страну для исследований. «Обычно работники международных организаций, политики, военные и журналисты прилетают к нам. Чтобы работать в Сомали, зарабатывать деньги на нашей войне, — рассказывал один предприниматель из Могадишо. — Иногда прилетают сумасшедшие туристы, чтобы посмотреть на страну, где уже три десятка лет воюют без остановки. Но ученые... Вы, ребята, конечно, молодцы. Сомали — богатая страна: у нас есть нефть, рыба, удобные морские порты. У нас древняя история. Однако некому заняться. Мы долго являлись итальянской колонией. Потом всего-то пятнадцать лет прожили независимо, и начались войны: сперва с эфиопами, теперь — гражданская война. Сомалийцы — трудолюбивый и мудрый народ. Но наши соседи Эфиопия, Кения, арабы, они виноваты, что у нас идет война. Им невыгодно, чтобы Сомали процветала». То же самое повторяли многие постояльцы гостиницы. Обычно они не жевали кат, в отличие от большинства тех, кого мы встречали на улицах и рынках. Они под вечер рассаживались в одной из беседок и выставляли на стол контрабандный алкоголь. Обязательно приглашали нас. Из ресторана гостиницы официанты приносили еду: блюда из рыбы, паста или пицца (тесто для нее завозили из Джибути, с гордостью рассказал один официант). Милица всякий раз старалась оказаться в центре внимания. Это было несложно среди чернокожих мужчин, которые гораздо чаще видели белых женщин по телевизору или в Интернете, чем вживую. Лара вяло реагировала на знаки внимания сомалийцев. Она быстро давала понять, что она со мной, что она — моя.

Спустя семь дней после первой встречи Юсуф наконец-то объявился. О его визите нас предупредил переводчик Ахмед. Он не знал, во сколько приедет министр. Он только сказал: «Господин Юсуф приедет сегодня». Мы отправились на гостиничный пляж, чтобы ждать. Лениво общались в тени соломенной крыши и пили свежевыжатые соки. Море было спокойным, поэтому на песок выбегали шустрые крабы.

Прождали почти два часа. Ахмед попросил нас пройти к центральному входу в гостиницу. Перед входом остановились знакомые три черных внедорожника. Из перво-

го вышел радостный министр культуры — снова в наряде на арабский манер. Из того же автомобиля появился охранник с двумя внушительными букетами цветов, за спиной болтался автомат Калашникова. Юсуф кратко взмахнул пальцами, и охранник поднес цветы Ларе и Милице. «Салам алейкум», — поприветствовал он нас. «Господин Юсуф интересуется, не случилось ли каких проблем у вас за прошедшие дни в Босасо». Завязался бессодержательный разговор вежливости. Завершив его, Юсуф сказал, что сейчас мы поедем на встречу «с очень важными людьми».

В кабинете министра нас дожидались трое сморщенных старичков. Тюрбаны намотаны на головах, поношенные пиджаки, мужские юбки саронги, из-под которых торчали худые ноги в шлепанцах. В подобной манере в Босасо одевались жители бедных кварталов и заезжие торговцы на рынке. У одного старичка резной посох. «Шейхи из клана маджертин. Они живут в местности Дарджаал, куда вы хотите ехать». Последовал обмен любезностями. Мы использовали весь запас сомалийских фраз, которые успели выучить. Старички подмешивали в свою речь арабские слова. Тот, который с посохом, неспешно начал рассказывать о Дарджаале. Другие ему подсказывали, если он останавливался. Он повторял арабское «асар». Этим словом обозначают развалины или древние постройки. «В их местности есть старые постройки. Есть одна целая крепость. В двух местах имеются старые порушенные крепостные стены. Неизвестно, когда они появились. Есть камни с письменами, которые никто из местных не понимает. Не понимают даже эфиопы, которые живут на руинах одной из крепостей». Эфиопы? «Да, эфиопы. Христиане. Очень бедные. У них нет своего скота. Обычно они нанимаются работать в семьи богатых сомалийцев-скотоводов. В древней крепости у эфиопов есть церковь. Они ходят туда молиться. Они молятся пророку Исе, но не признают пророка Мухаммеда. У них деревянные кресты на шеях и четки с крестами. Они говорят, что их предки построили эти крепости, но не понимают письма на древних камнях». Лара ерзала на диванчике от возбуждения. «Если вы желаете ехать к эфиопам, вам нужно взять подарки для них. Они очень бедные люди. Нужны хорошие подарки для них».

Шейхи намеревались провести пару дней в Босасо, чтобы решить свои вопросы. «Вы не расстраивайтесь, пожалуйста. Шейхи могут задержаться в Босасо и дольше. Они — важные люди. У них много дел. Они сказали, что им требуется два дня, но, скорее всего, понадобится больше», — разъяснил переводчик Ахмед. Лару это не волновало. «Мелочи, главное, что они рассказали про древние развалины. Они существуют. Значит, мы в любом случае доберемся туда». Джеймс наводил справки у коллег, каким образом эфиопы оказались в глубине сомалийской территории. При мне общался по телефону с одним журналистом из британской газеты — интриговал его. «У меня будет сумасшедшая новость для твоего издания. Сенсация. Сто процентов. Сейчас ничего пояснить не могу. Жди!»

Мы выехали из Босасо через пять дней. У шейхов имелись два помятых японских пикапа и пять бойцов. Бойцы, в отличие от людей Юсуфа, не носили униформы — футболки, саронги или драные джинсы и кроссовки. Вместе с Ахмедом они расселились по кузовам, бросив под ноги полосатые мешки с нашими подарками и своими покупками. Джеймс тоже хотел сесть с ними, чтобы не тесниться в кабине. «Ты будешь очень сильно отсвечивать своим белым лицом и рыжими волосами. Какие-нибудь шальные ребята решат, что ты хорошая добыча, и у нас неожиданно появятся проблемы», — объяснил я британцу. Он влез в кабину, где уже сидела Милица и двое шейхов.

Мы направились на юг по основной автомагистрали, соединявшей морской порт со столицей Пунтленда Гарове и всесомалийской столицей Могадишо. Ровный отличный асфальт, как на главном проспекте Босасо. Вокруг холмистая саванна с редкими рошицами чахлах деревьев. Шейхи и бойцы жевали кат. Из магнитол тянулись заунывные песни кочевников-сомалийцев. Такие же монотонные, как пейзажи вдоль дороги.

Километров через пятьдесят холмы стали вырастать в черно-серые каменные горы. Еще через двадцать километров мы свернули с автомагистрали на восток. Опять под колесами ухабы. Съехали в сухое русло реки, зашуршали по гальке. Под каменной полкой берега, в тени, сидел старик. Он за поводок держал ослика. Старик при ответственно поднял руку. Один из бойцов кинул ему пластиковую пол-литровую бутылку с водой. Шейх, сидевший с нами, одобрительно покачал головой и что-то крикнул старику. Оба засмеялись.

На склонах гор начали попадаться знакомые мне деревья. Как мне казалось, знакомые. «Лубан?» — назвал я ладан на арабском и указал на дерево. «Лубан, э», — подтвердил шейх. Я повернулся к Ларе: «Мы уже, наверное, в той области, где ты будешь искать сабейские развалины. Здесь растут ладанные деревья. Путь благовоний, о котором ты столько рассказывала». Она прикусила верхнюю губу, молчала. И крепко стиснула мою ладонь.

Асар

Под вечер мы въехали в крупное селение. По обе стороны улицы, которую мы пересекали, — подряд лавки, лавочки, узкие каморки-мастерские, снова лавки. Над дверями навесы из мешковины. В глубине — полки, заставленные цветными банками импортных консервов и напитков, коробками стирального порошка, тюками тканей. Висели связки бананов, гирлянды разноцветных пластмассовых браслетов, на полу лежали арбузы. В лавке, где на полках и на полу разложены связки ката в банановых листьях, сутилась молодая девушка в окружении мужчин, державших денежные купюры. Прижимаясь к стенам, шли навстречу верблюды с поклажей. Погонщики их нещадно лупили.

Мы оказались на небольшой площади перед старым трехэтажным домом. На кривой палке, укрепленной на крыше, сине-бело-зеленый, со звездой в синей полосе, флаг Пунтленда. В тени густого дерева стоял помятый белый пикап, в кузове которого установлен крупнокалиберный пулемет ДШК. На заднем стекле наклейка с изображением Боба Марли, запрокинувшего голову назад, дреды разлетелись в стороны. Возле автомобиля сидели на корточках и жевали кат мужчины в саронгах, рубашках и при автоматах. Очевидно, что здесь учреждение местной власти.

Из здания в окружении нескольких вооруженных человек появился рослый мужчина лет тридцати-тридцати пяти в темных очках, весь в белом (на ногах не обычные шлепанцы, а кроссовки). Через плечо — кожанная портупея, пистолет в кобуре. Приехавшие с нами шейхи по очереди церемонно обнялись с ним и расцеловались. Ахмеда мужчина удостоил лишь рукопожатием. «Господин Абубакр — командир полиции Дарджаала». Полиции? «То есть сил безопасности, — уточнил Ахмед. — Он одобрил, чтобы вы занимались здесь исследованиями, и постарается оказать вам максимальное содействие. Господин Абубакр очень рад видеть вас на своей земле. Тут располагается его офис — управление полиции... штаб сил безопасности Дарджаала».

Мы зашли в штаб. Огромная комната, похожая на школьный спортивный зал. За порогом свалка пыльных изношенных ботинок, сандалий и кроссовок. Деревянный пол, на котором окурки, веточки и листья ката, обрывки бумажек, фантики. Вдоль стен матрасы. Сидели мужчины разных возрастов, безоружные, жевали кат, они разом замолкли, когда вошли мы. Абубакр сел на матрас у дальней стены, застеленный относительно чистым, но выцветшим ковром. Указал, чтобы мы сели возле него. Он достал четки и начал перебирать косточки. Ахмед переводил его вопросы и разъяснения по поводу обстановки в подконтрольном ему районе.

«В Дарджаале безопасно, нет террористов. Но нужно уважать уклады местных жителей. Нужно соблюдать обычаи. Хорошо, что вы знаете, что местные жители — му-

сульмане, и женщины зыкрыли волосы. Господин Абубакр желает, чтобы иностранцы знали историю и культуру этой великой земли. Он назначит вам свою охрану. Они — очень надежные люди...» Я шепнул Ларе на ухо: «Он сейчас будет просить денег. Не говори, что заплатишь, сколько он попросит. Прежде поторгуйся». Абубакр говорил с очень серьезным видом, медленно грубые черные пальцы катили одну костяшку за другой. «Ты знаешь, сколько здесь стоит охрана?» — спросила также шепотом Лара. «Однозначно меньше, чем в Босасо», — ответил я, уже не прислоняясь к ее уху. «...Поэтому господин Абубакр хотел бы узнать у вас, сколько вы готовы заплатить за услуги его охранников. Сам господин Абубакр будет сопровождать вас бесплатно, он в деньгах не нуждается. Он хочет помогать вам, потому что понимает важность вашей миссии. А охранники должны кормить семьи, они — простые люди и много денег за свои услуги не запросят». Джеймс переглянулся со мной и Ларой. Ясно, что он этот вопрос не готов обсуждать. Лара кивнула мне. Я начал: «Мы, конечно, понимаем, что лучше всего будет здесь перемещаться с людьми, которые знают местных жителей, которые пользуются их уважением. Мы очень благодарны Абубакру за его готовность сопровождать нас, помогать в общении с местными жителями и поиске древних памятников сомалийской культуры. Когда мы найдем эти памятники и о них узнает мир, то Дарджал станет популярным местом и для ученых, и для путешественников. Они будут приезжать сюда, будут приносить доход местным жителям. Замечательно, что Абубакр понимает это и совершенно бесплатно намерен помогать нам. Мы ценим его щедрость, его мудрость. На данном этапе нам нужно выяснить хотя бы местоположение древних памятников, асар. Нам нужно доказать остальному миру, что эти памятники вообще существуют. Их нужно сфотографировать, описать. Подобная работа не займет много времени. Но когда мы докажем своим коллегам, что здесь есть, что исследовать, у нас появятся большие финансовые возможности, чтобы организовать здесь более длительную и дорогостоящую экспедицию. Сейчас наши запросы к исследованиям не столь уж и велики, поэтому и наши финансовые возможности небольшие. Нас интересует, сколько денег потребуется на оплату услуг местных охранников в течение... — Я сделал паузу и оглянулся на Лару, медленно произнес: — Де-ся-ти... — Она кратко махнула двумя пальцами вверх, тогда я сказал: — То есть пят-над-ца-ти, — она кивнула. — Да, пятнадцати дней. Итак, сколько?» Абубакр ответил: «Тридцать тысяч долларов». Я знал, мы обсуждали в Босасо, сколько сможем заплатить местным авторитетам. Я сказал: «К сожалению, наши финансовые возможности на проведение исследований в настоящее время... Повторюсь, мы не сомневаемся, что здесь имеются асар, которые производят впечатление на весь научный мир. Поэтому мы сюда и приехали. Но наша задача доказать сейчас другим ученым и институтам, что здесь нужны длительные и дорогостоящие исследования. Если у нас будут доказательства, значит, нам дадут деньги на новые исследования. В настоящее время у нас есть десять тысяч долларов (три этих слова я произнес чуть медленнее и чуть громче) на проведение работ. На какое время нам хватит этих средств, чтобы достойно оплатить труд местных охранников и других людей, которые окажут нам содействие?» Лицо Абубакра было непроницаемо, когда он слушал перевод. Темные очки он по-прежнему не снял. Его ответ был краток: «Мне нужно будет обсудить ваше предложение с охранниками и старейшинами деревень, куда вы поедете. А теперь нам пора есть. Господин Абубакр приглашает всех покушать». По деревянной лестнице мы поднялись на второй этаж. Охранники за нами не последовали, зато последовали несколько человек, которые сидели в приемной Абубакра, когда мы вошли туда. Они переговаривались друг с другом, Абубакр перебрасывался с ними краткими фразами, Ахмед что-то пояснял. Нам он лишь сказал: «Господин Абубакр — очень хороший человек. Очень хочет помочь вам». По-моему, Ахмед трусил находиться здесь, боялся гнева местных и старался доказать им свою лояльность. Ми-

лица тронула меня за руку: «Как думаешь, у нас получится? Ты круто объяснял им, но, мне кажется, они недовольны ценой». Я улыбнулся, но вроде бы получилось не слишком уверенно. Сказал: «Не переживай. Все получится. Они и сами не знают, сколько просить у нас». Лара нахмурила брови.

Комната на втором этаже была значительно меньше размерами и чище. Чистые матрасы, подушки, пол застелен ковром. В центре комнаты стояли два блюда с рисом и жареной ягнатиной, стаканчики с чаем. Абубакр жестом предложил мне садиться рядом с ним. Я показал на девушек и Джеймса, он кивнул и в первый раз улыбнулся. В этот момент у меня появилась уверенность, что мы с ним договоримся.

На ночевку нас повезли в другой дом. Он был гораздо уютнее. Видимо, его использовали специально для гостей, потому что лишь из кухни слышались голоса женщин, но ни детей, ни мужчин мы не заметили. Абубакр простился с нами перед входом в дом и пообещал приехать на следующий день. «Чувствуйте себя как в собственном доме. Отдыхайте. Завтра будет хороший день».

Мы не могли остаться наедине без Ахмеда. Выставлять его из общей комнаты, которую нам отвели под ночлег — чистые матрасы на полу, застеленном ковром, бутылки с водой возле каждого матраса, — или, наоборот, просить его остаться в ней, пока мы выйдем наружу, казалось неуместным. Поэтому мы обсуждали день по очереди парами. Я с Ларой, она с Джеймсом, он с Милицей. «Абубакр — обычный местный гакај (гопник), который смог сколотить банду, и теперь с ним считается вся округа. Ума и харизмы, — говорил я Ларе, — незаметно. Он сам не знает, сколько можно содрать с нас денег. Но понимает, что должен получить с нас плату за свои услуги, объем которых он точно не представляет». Она рассказала, что Джеймс очень обеспокоен за нашу общую безопасность, особенно за безопасность ladies. «Сейчас наш гакај взялся помочь иностранным исследователям. Его старейшины наверняка гарантировали нашу безопасность Юсуфу. Поэтому он отпустил нас сюда. Теперь это вопрос чести для гакај, чтобы с нами тут ничего не произошло, — пояснял я. — Наша задача: выжать из него максимум, дав минимум денег. Он хочет от нас денег, на большее его мозгов не хватит».

Рано утром за нами заехали двое боевиков Абубаkra. «Господин Абубакр приглашает на завтрак». На одном из боевиков была бежевая рубашка с длинными рукавами: потертости от выпирающих липучек скрытых внутренних карманов, усиленные швы, жесткий воротничок. Если бы я увидел в такой сотрудника любой из частных военных компаний, здорового мужика с бычьей шеей, на которой набита татуировка «ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ» или череп над перекрещенными пистолетами, нисколько не удивился бы. Но на тощем парне, замotanном в саронг, у которго на ногах изношенные резиновые шлепанцы, а автомат он держит так, будто только вчера его получил, — в общем, на нем гармоничнее смотрелась бы футболка яркого оттенка с названием популярного футбольного клуба. Я сказал Ахмеду: «Спроси парня, откуда у него эта рубашка». Тот рассказал, активно махая руками и автоматом, что несколько месяцев назад сюда приезжали «белые на танках», они искали людей, связанных с пиратами. Он с ними за дружился, помогал им покупать продукты и деревянную посуду на местном рынке, на прощание один из белых подарил ему эту рубашку.

Абубакр ждал нас в своем штабе. Второй этаж. Из сомалийцев только Абубакр и Ахмед. Самая подходящая обстановка, чтобы получить деньги от нас. Мы вполне ожидаемо услышали: «Господин Абубакр хочет, чтобы вы выплатили десять тысяч долларов, которые обещали». У меня было достаточно времени, чтобы заранее сформулировать ответ: «Как долго мы сможем заниматься здесь исследованиями за десять тысяч? Мы сможем здесь работать пятнадцать дней, обследовать окрестности, как говорили вчера?» Он был согласен. «Он сам будет сопровождать нас или его люди? Если мы будем с его охранниками, то нам необходимо точно знать, сколько их будет

и кто именно, чтобы не возникало проблем». Иногда он готов выезжать с нами, но постоянно с нами будут самые надежные из его людей, он покажет их после завтрака. Обернувшись к Ларе, я сказал: «Меня научили, что если хочешь избежать стрельбы, то научись долго говорить и задавать вопросы таким образом, чтобы получить на них предельно подробные ответы». Абубакр нервничал — он хотел скорее почувствовать доллары в руках. Ему казалось, что он их вот-вот получит. Поэтому я продолжил спрашивать: «Нам нужно будет посетить некоторые деревни и асар. Нас интересует, каким образом мы должны оплачивать услуги водителя и бензин». Он готов договориться с водителем, топливо здесь недорогое, потому что его нелегально доставляют из стран Аравийского полуострова. Я достал из внутреннего кармана своей рубашки пачку купюр, стянутых резинкой: «Это три тысячи. Аванс. Оставшуюся часть суммы мы отдадим, когда вернемся в Босасо. Семь тысяч мы оставили в Босасо». На лице Абубакра — глаза снова скрыты черными очками — сразу отразилось, что он ожидал получить всю сумму прямо сейчас. «Я надеюсь, что никаких проблем не возникнет», — добавил я. Абубакр даже не стал заканчивать завтрак, вышел и позвал с собой Ахмеда. Джеймс заволновался: «Мы же можем выплатить им сейчас десятку целиком. Зачем хитрить? Ты ставишь под угрозу нас всех. Предлагаю отдать десятку прямо сейчас. Ясно же, что он очень зол, что ты ему дал лишь три тысячи». Лара жестом остановила его: «Он знает, что делает, Джеймс. У него есть опыт, которого нет у тебя. Не обижайся, пожалуйста». Милица поддержала ее: «Я тоже верю ему. Пусть поступает, как считает нужным». Мы продолжили завтракать: яичница, лепешки и очень сладкий чай.

Вернулся Ахмед. «Господин Абубакр приносит свои извинения. Ему пора принимать посетителей. Он спросил, когда вы намерены выезжать. Его немного оскорбило, что вы не доверяете ему полностью. Господин Абубакр докажет вам сегодня, что он честный человек, который желает помочь вашим исследованиям. Он очень гордится культурой своей страны и ее предками».

Селение мы покидали на четырех пикапах, груженных боевиками. В первой машине ехали Абубакр, Ахмед, Лара и я. У Абубакра выражение лица невозмутимое и надменное. Он небрежно махал местным в качестве приветствия, те кланялись или прикладывали руку к сердцу. Ни одной женщины с непокрытой головой. За селением поехали в гору. Машину затрясло, словно в шейкере. В стороны из-под колес вылетали мелкие камешки. По склону паслись стада очень худых коз. Пастухи с посохами сидели на крупных валунах — неподвижные, с заостренными лицами и телами. «Напоминают конструктивистские памятники двадцатых — тридцатых годов», — сказала о них Лара.

В первой машине ехать было более комфортно. Остальные продирались через пыль, поднимаемую первой. Боевики в кузовах закрыли рты и носы платками или краями одежды.

Мы въехали на горный гребень, и перед нами словно развернулся ковер с горами, долинами, деревьями, пересохшими руслами, засыпанными до берегов белыми глыбами. Остановились. «Господин Абубакр говорит, что мы поедем за тот перевал, — показал на черный дальний силуэт седловины, — к крепости. Она за перевалом. Очень старая и хорошо сохранившаяся крепость». Абубакр набивал себе цену и заодно, видимо, мстил за то, как я терзал его терпение, когда он хотел поскорее ощутить деньги в руках. Поэтому я нарочито бесстрастно смотрел на него и в ответ лишь сказал арабское «тамам» (ладно), которым активно пользовались местные. «Нам понадобится ехать около трех часов. Вы выдержите?» Тамам. «Если устанете от тряски, то сообщите. Нет проблем, господин Абубакр прикажет остановиться». Тамам.

Лара сходила к Джеймсу и Милице. «Они полны энтузиазма. Никаких проблем». И мы поехали дальше. «Только не слишком показывай свои эмоции. Будь сдержаннее в присутствии гакаj и его ребят. Твоя чрезмерная радость — для них повод кланяться больше денег», — сказал Ларе, чтобы слышала только она.

Мы петляли вдоль склонов гор. С одной стороны каменная стена, с другой — обрыв. Невысоко, но достаточно, чтобы перемолотить кости пассажирам внутри консервной банки автомобиля в случае падения. Спустились в узкую долину. На обочинах темнели пятна от топлива, слитого масла, валялись замасленные ветхие тряпки, сухие банановые листья и прочий мусор. У околицы стояли два порядком изношенных грузовика — КамАЗы. Шоферы и пассажиры сидели тут же в скудной тени деревьев. Двое танцевали перед ними, взмахивая длинными ножами. Взлетали саронги танцевавших, голые пятки яросто били в сухую потрескавшуюся землю. Мальчик-подросток стучал в барабан. Мы проехали мимо, не останавливаясь. Абубакр достал пистолет и дважды выстрелил в воздух. Шоферы, пассажиры и танцоры радостно закричали.

Царапая дном о камни, мы преодолели перевал. Слева на холме сразу же показалась крепость. «Это Каср Шахир. Очень древняя крепость. Легенды говорят, что она была построена одним из первых сомалийских царей», — перевел Ахмед разъяснения Абубакра. Я оглянулся на Лару. Ее лицо будто сползло вниз. Мы остановились перед рыжей крепостной стеной, в которой зиял внушительный пролом — в него два автомобиля в ряд проехали бы легко. Над стеной высились колосья нескольких башен. Каждая башня отличалась от другой: высокая круглая, низкая квадратная, многогранная с балконами... Лара, я, Джеймс и Милица без слов направились в пролом. Внутри паслись козы. Они разбежались, звеня колокольчиками, увидев нас. «Это она и есть?» — спросил тихо британец. Алжирка кивнула. Она шла, оглядываясь по сторонам, и взгляд ее стекленел все больше и больше. Постройки крепости лепились к стене. Они довольно хорошо сохранились. Сохранились даже, видимо, первоначальные деревянные элементы: резные двери в помещения и ставни на окнах башен. Абубакр зашел вслед за нами. Снял очки и торжествуя медленно осматривался. Его боевики рассаживались в тени, зажимали автоматы между ног и доставали пучки ката.

Я приблизился к одной из дверей. Водил пальцем по резному в трещинах рисунку. Куб священного камня Каабы и минареты. Некогда они были окрашены в оранжевый и синий цвета, местами виднелись выцветшие пятна. Дверь двустворчатая. На одной створке имелась металлическая колотушка для женщин, на другой — для мужчин. Точно такие же, как в гостинице на берегу Индийского океана, где я жил до отлета в Аддис.

«Merde, merde», — ругалась по-французски Лара. Она шагала ко мне. Обняла меня сзади: «Неужели ради такой дряни?! Неужели такой провал?! О-о, merde!» — говорила она в мое плечо. «Я видел подобные крепости километрах в пятидесяти от берега Индийского океана, — рассказывал я. — Князя из приморских поселений строили их для защиты от нападений бедуинских племен. Вдоль побережья целая цепь подобных крепостей. Им лет по четыреста-пятьсот, не старше. Этой, наверное, тоже». Она что-то промычала в ответ. Неожиданно рывком оторвалась от меня: «Слушай, не может быть, что здесь ничего нет ценного. Не верю! Я обойду крепость, залезу в каждый угол. Давай помоги мне. Нужно найти надписи, любые. Ищи надписи».

По узкой спиралевидной лестнице я поднимался по лестнице в одной из башен. Подсвечивал путь фонариком мобильного телефона. В расщелинах стен и ступеней шуршали и скреблись то ли мелкие животные, то ли крупные насекомые. Я внимательно смотрел под ноги и на стены, чтобы не наткнуться на скорпионов или змей. Душно и пыльно. Чувствовал, как по лбу сползают струйки пота. Окно. Выглянул наружу. Абубакр разговаривал с Ахмедом. Боевики по-прежнему размеренно жевали кат. Козы тыкались мордами в сухую безжизненную почву. Подышал свежим воздухом и продолжил подниматься. Кажется, чем выше, тем уже становился проход. Деревянная двустворчатая дверь. Толкнул ее. Не поддавалась. Удар изо всех сил ногой. Со скрипом отворилась, но не до конца. Еще пару ударов ногой — теперь можно пройти. Солома на крыше, фигурные зубцы по краям. Я сел между зубцами и свесил ноги вниз. «Как дела?» — кричал Ахмед, увидев меня. «Исследуем. Ищем ценные предметы культу-

ры. Надписи, например». Погода почти безветренная. За крепостью, ниже нее, желтые холмы, за ними высокая гора, по склону которой мостились террасы, огороженные завалами из камней и веток. Над террасами строение, напоминающее сторожевую башню — потертую и побитую веками и войнами. И повсюду отстоящие друг от друга на приличном расстоянии корявые деревья. Ладанные? Издали похожи.

«Хорошее место ты себе выбрал», — на башне появилась Милица. Она уперлась руками в зубец слева от меня. «Неудача, а? Но ведь это экспедиция в регион, где не появлялись раньше ученые. Точных данных нет. Как пуля, пущенная в темноте, наудачу». Меня позабавило ее сравнение с пулей. «Чего ты ухмыляешься? Потому что сказала про пулю? Давно хотела спросить, но не решалась. Можно?» Я обернулся к ней. Несколько секунд мы пристально смотрели в глаза друг другу. Ее глаза — светло-зеленые. Это не оттенок зеленой травы по весне. Он у меня ассоциировался с болотом. Под травой твердая почва. В глазах Милицы прятались непонятно какие мысли, неясные намерения, dna в ее глазах не нащупать... Она потянула меня за руку. Я перебрался на крышу. Хорватка прилипла к моим губам поцелуем. Одной рукой прижал ее крепче к себе, а другой смял ее грудь. Она отлипла, убрала руку с груди и спросила: «Ты ценишь Лару как женщину или как человека?» Неожиданно. Какова, а? «Не думал об этом». Она не унималась. Совершенно равнодушным тоном: «Хочешь жениться на ней?» Я пожал плечами. Откуда-то из внутренностей крепости раздался голос алжирки — она звала меня. «Торопись. Твоя суженая ищет тебя. Ревнует, наверное. Хочет, чтобы ты утешил ее, горюющую от неудачи», — и Милица расхохоталась, словно ведьма, уверенная, что легко способна управлять чужими желаниями и судьбами. Я крепко взял ее за горло и кратко поцеловал. Затем крикнул: «Детка, иду к тебе!» — и отправился к Ларе. «Неплохо, неплохо, — сказала мне в спину хорватка негромко и добавила на родном языке: — Ебига, боли ме курац».

«Лара, ты где?» — звал я, выйдя из башни. Она высунулась со второго этажа одного из помещений: «Сюда. Скорее сюда!». Я заметался, пытаюсь понять, через какую именно дверь попасть к ней. «Вон та дверь. Давай ко мне».

Уличный свет через два открытых окна падал на пол помещения — два длинных прямоугольника на пыльном полу. Лара стояла у дальней стены, в которой была округлая вмятина до пола. Ее черный платок, который она использовала, чтобы укрывать голову, валялся в пыли. «Михраб, я уверена. Здесь у них размещалась мечеть. Правда, минарет отсутствует, но его могли просто разрушить когда-то давно, а потом не восстанавливали». Она водила рукой по отполированной плите над михрабом. «Посмотри. Я уже не верю собственным глазам». На плите четкие значки. Выбиты глубиной в половину ногтя. «Ты видишь?» Я трогал значки, водил по их канавкам: «Их надпись?» Лара хлопнула ладонью по плите: «Это не галлюцинация? Пожалуйста, скажи мне... А вот погоди. — Она достала из бокового кармана брюк телефон. Показала мне фотографию: ряды неизвестных значков. — Похожи не эти?» Похожи. Да, действительно, вот этот один в один с тем, который я трогал, еще, еще... Лара радостно запрыгала. «Есть! Да! Есть! Ууууухуу!» Она метнулась к окну: «Джеймс! Джеэйт!»

Пришел Джеймс. Милица с ним. За ними Ахмед. «Сабейская надпись, никаких сомнений. Мы сфотографируем и отправим коллегам. Они расшифруют. О, Господи, мы нашли!» Джеймс взял Лару за руку: «Ты нашла. Ты... ты... ты — великий ученый. Умничка».

Эфиопы

Абубакр и его боевики набились в помещение. Лара рассказывала им, активно жестикулируя. «Нужно искать такие же надписи, как эта. — Она указывала на отполированную плиту. — Это то, что нам нужно. Очень важно. Настоящий памятник истории.

Памятник давних-давних жителей вашей страны». Абубакр распорядился, и боевики вытолкали наружу. «Они будут искать пастуха, — пояснил Ахмед. — Видели коз? Значит, где-то поблизости их пастух. Он должен знать о надписях».

Я не до конца осознавал значимость находки. Понимание постепенно приходило, пока слушал диалог Лары и Джеймса. Никто ранее не находил сабейских надписей на Африканском Роге, в Сомали. Есть обрывочные упоминания разных путешественников, торговцев и миссионеров о том, что здесь существовали колонии сабейского государства, Царства Савского. Но никто прежде не находил материальных свидетельств их существования. Мы — первые! Просто и буднично, среди растрескавшейся серо-желтой земли, под белым выжженным небом, сопровождаемые непрерывно жующими кат вооруженными черными парнями, которые понятия не имеют о древности здешних построек, глубине истории родной области, рядом с грандиозным научным открытием нюхали пыль тощие козы, ребра выпирали под их короткой шерстью, и тренькали колокольчики на их шеях. Мы вглядывались в чудные буквы на гладкой плите и трогали их снова и снова. «Научное открытие не свершилось, пока о нем не узнал весь мир, — торжественно объявил Джеймс. — Как только мы вернемся в поселение, там есть Интернет, я напишу своему другу в очень известное британское издание. Он сделает новость. Мы застолбим свое открытие. Твое открытие, Лара». Она нервно заламывала руки: «Спасибо, Джеймс. Это мы вместе сделали. Каждый внес свой вклад. Каждый. Давайте не будем преуменьшать или преувеличивать своих ролей в нашей экспедиции. Нашей, общей. К тому же мы должны посетить еще два места, где находятся руины. Если они, как утверждают сомалийцы, сохранились гораздо хуже этой крепости, то высока вероятность, что мы увидим развалины действительно сабейской крепости».

Боевики привели пастуха. Они привели его, будто пленного. Он испуганно оглядывался по сторонам — старичок с седой бородкой, в рваной безрукавке, мятой синей рубашке и сбившемся набок саронге. Он комкал в руках традиционную сомалийскую круглую шапочку. Ахмед принялся переводить ему вопросы Лары.

«Да, он видел другие похожие камни с надписями. Есть разрушенный дом из гладких камней. Полдня пешком отсюда. Там он видел похожие камни с надписями».

Двое боевиков остались следить за козами, остальные грузились по машинам. Пастух будет показывать путь — его посадили в первую машину. Мне места в ней не хватило. Я сел в машину, шедшую второй. Вместе с Джеймсом и Милицей. «Она молодец, твоя француженка... алжирка. Тебе повезло с ней», — между делом заметила хорватка.

Нас кидало по салону. Мы ехали без дороги. Тем маршрутом, которым пастух привык гонять коз. Резко сворачивали, чтобы объехать валуны или деревья. Кашляли от набивавшейся даже через платки в ноздри и рот пыли.

«Замечательно, замечательно. Невероятное открытие. Ведь Лара всего лишь нашла краткие упоминания о сабейских руинах в старых, очень старых португальских хрониках. Она великолепна. Она связала воедино историю Царства Савского с местностью, где прошли португальские миссионеры. Просто невероятно. Она нас убедила, и мы нашли», — рассуждал Джеймс. По лицу Милицы я понимал, что ее бесят его слова. Она нервно двигала челюстью. Под тонкой ухоженной кожей отчетливее очерчивались кости. Не выдержала: «Хватит. Слушай, давай будем профессионалами. Без подростковых соплей». Британец явно не ожидал. Он примолк. И смотрел в окно, не видя окружающего пейзажа. Продолжал рассуждать сам с собой, беззвучно шевелил губами.

Перемахнули через холм, и вдаль показались бугрящиеся развалины. «Вот они. Неужели сейчас эти камни взорвут научный мир?!» Местность безлюдна. Животных тоже не видно. Пыльная земля, редкие деревья и кустарники. Мы охотники за призраками. Призраками некогда существовавшей культуры. Их смогут оживить научные знания, теории и логика нашей цивилизации. Черные тощие боевики по-прежнему равнодушно и мерно пережевывали очередную порцию ката.

Подъехали к разрушенному зданию. Оно сложено из силикатных кирпичей. Как миллионы зданий в современных городах. Целиком сохранилась стена с парадным входом. Над квадратом лишенного дверей входа, через который видны близкие деревья и дальние темно-синие горы, плита с надписью. «Это же на русском. „Добро пожаловать“. Да, настоящая сабейская надпись», — сказала Милица и рассмеялась. Я, Джеймс и Лара все равно вышли из машин, чтобы осмотреть развалины. Битый кирпич, торчащие ржавые прутья арматуры, щепки от разломанной мебели. «Ахмед, спроси, пожалуйста, пастуха, знает ли он, что было в этом здании». Оказалось, что пастух не отсюда родом. Его семья переехала в Дарджаал из-за войны с юга Сомали пятнадцать лет назад. На его памяти это здание всегда было разрушено. «Да, забавно. Русские помогали Сомали, когда она получило независимость. Строили школы, больницы, обучали армию. Наверное, здесь размещалась больница. Людей из окрестных деревень лечили врачи из Советского Союза». Джеймс обнял Лару за плечи: «Ты расстроена? Глупо, конечно, получилось». Нет, она нисколько не расстроилась. «Знаешь, это действительно забавно вышло, — говорила Лара. — Древние сабейские надписи или современные русские для неграмотных сомалийцев одно и то же. Их история — семейные предания, рассказы муллы в мечети, местные легенды. Все нормально. Одну находку мы уже сделали. Меня теперь трудно расстроить неудачами. Мелочи».

Абубакр сказал, что до следующих руин поедет завтра, потому что ехать туда долго и мы не успеем засветло добраться сегодня. «Поэтому сейчас мы поедет в ближайшую деревню. Отдохнем, поедим, переночуем».

В ближайшей деревне имелась пара десятков домов — из глины и соломы. Жители высыпали на околицу, увидев автомобили. Абубакр пользовался здесь авторитетом. К нему подошли старейшины и по очереди пожали руку и расцеловались. В центре деревни находился гостевой дом. Похож на гостевой дом Менелика Второго на горе Эн-тото в эфиопской столице — тоже без окон, больше напоминающий постройку для хозяйственной утвари. Впрочем, он не сильно отличался от других домов деревни. Мы расселись на старые тюфяки, набитые соломой. Старейшины с нами. Дети разглядывали нас, набившись в дверной проем. Абубакр с важным видом что-то им рассказывал. Мы постоянно улыбались и раскланивались с местными, когда встречались с ними взглядами.

Специально для нас забили коз. Джеймс и Милица спросили, могут ли они наблюдать за приготовлением пищи и фотографировать. «Тебе интересно, пойдём?» — спросила Лара. «Может, лучше поговорить со старейшинами, расспросить их об асар с надписями?» — «Да ладно. За едой расспросим. Ты часто видел, как в сомалийских дебрях местные жители готовят трапезу для гостей?» — мы отправились вслед за Джеймсом и Милицей. Для приготовления еды использовалось кострище в центре деревни. Подружки подносили дрова и по команде женщин подкидывали их в огонь. Мужчины разделявали козьи туши. Две пожилые женщины толкли в деревянных ступах специи. Дети отгоняли палками и камнями собак, норовивших стащить мясо. Мальчик лет трех, совершенно голый, бросал в собак куски сухой земли. Появился мужчина с барабаном, начал отбивать ритм. Женщины затянули песню. Местные понемногу втягивались в общий танец. Абубакр стоял руки в бока и наблюдал за происходящим подобно хозяину.

Мясо жарили на камнях, разложенных на углях. Оно шипело, отекая жиром. Женщины посыпали его растолченными в пыль специями. Общий танец превратился в хоровод. Люди держались за руки и медленно широким кругом двигались вокруг кострища. Мы, к общей радости, вклинились в хоровод. Барабанщик покрылся испариной. Абубакр поднял пистолет и выстрелил трижды в воздух. Несколько боевиков последовали его примеру — одиночными отсалютовали из автоматов Калашникова.

Для ужина мы вернулись в гостевой домик. До поздней ночи ели, затем пили кофе и все время разговаривали с местными авторитетами. Среди авторитетов не только ста-

рейшины, как обычно бывает, но и несколько мужчин среднего возраста и две пожилые женщины. Женщины приходились женами старейшин и матерями мужчин среднего возраста. «Интересно, не встречала раньше информации о подобной градации сельских авторитетов по хээру», — заметила Милица, отрезая себе очередной кусок печеного мяса.

Ахмед от усталости периодически засыпал — храпел, некрасиво открыв рот. Он переводил очередную фразу, и глаза его закрывались, голова запрокидывалась. Абубакр объявил, что пора отдыхать. Местные ласково прощались с нами — целовались, обнимались, долго жали руки.

Гостевой домик предназначался для ночлега нам четверым и Ахмеду. Абубакр и боевики удалились спать в дома местных авторитетов. Переводчик спал, а у нас наконец-то появилась возможность обсудить прошедший день без лишних ушей. «Где тэдж? Я знаю, что у тебя в рюкзаке есть бесконечный запас тэджа», — нахально сказала мне Лара. Я достал армейскую флягу: «Только по чуть-чуть. Абубакр — очень мутный парень, и лучше не расслабляться, пока мы на его территории». Фляга пошла по кругу. «Поздравляю. Ты сделала это», — сказала Милица краткий тост. «Умница. Ты просто умница. Теперь я понимаю, что такое настоящий целеустремленный ученый», — сказал Джеймс перед тем, как глотнуть тэджа. «Это не предел. Завтра мы поедem на другие руины. Пусть поездка принесет новые открытия», — сказал я. Лара замыкала круг. «Между прочим, *guus*, сабейская письменность, начертания знаков, очень похожа на берберскую», — заметила она. «Хочешь сказать, что твои берберские корни привели тебя сюда, завели в комнату с плитой над михрабом?» — «Не знаю. Хотя без мистики не обошлось, точно».

Утром мы проснулись от бляения коз и шума Ахмеда, который спотыкался о наши рюкзаки и другие предметы, раскиданные на полу. Милица встала и куда-то удалилась с ним. Вернувшись, объяснила, что расспрашивала о местных особенностях хээр Абубакра. На завтрак дети и молодые женщины принесли жареные яйца, хлеб и кофе. «Долго задерживаться не будем. Надо поскорее достичь новых развалин». Провожать нас вышло все селение в полном составе — даже матери с кричащими младенцами на руках.

Снова пыльные холмы, уродливые низкорослые деревья и дальние темно-синие горы. Теперь нам указывал путь старейшина из деревни. Он пояснил, что мы едем по старинной караванной дороге, которую расширили и расчистили из-за войны, чтобы по ней прошли танки и военные грузовики.

Проехав между двумя холмами, оказались в совершенно плоской долине. Заросли акаций и тамариска скрывали окружающее пространство, но Лара сказала, что тут явные признаки некогда обжитой территории. Впереди, справа от дороги, показался большой холм, обросший колючими кустами. На его склонах в песке можно различить прямоугольные камни. В одном месте из-под завала выставлялся угол постройки из крупных блоков. Наверху среди кустов видны груды обработанных камней. «Похоже, что весь холм наметен на строениях».

Оставив пикапы на дороге, гурьбой мы поднимались на холм. Пока мы взбирались по склону, наши ботинки вязли в песке. «Здесь не просто развалины. Тут — целый город, Лара!» — восхищенно закричал британец и развел руки в стороны, пытаясь обнять пространство. «Подожди, Джеймс, нам нужны камни с надписями, чтобы убедиться, что здесь жили *они*». Не видно ни одного мало-мальски сохранившегося здания, а только остатки каменных стен, песчаные бугры с торчащими обтесанными блоками; такие же блоки лежали в песке, всюду — горы каменного мусора, бесформенные развалины крупных зданий из грубо обтесанных массивных глыб.

Все разбрелись по тропинкам, пересекавшим городище в разных направлениях. Я следовал за Ларой, которая торопливо шагала, всматриваясь, между камнями. «Ах-

мед, переведи Абубакру, что его люди должны искать камни с надписями!» — прокричала она переводчику. Мы с ней взобрались на самую вершину, откуда открывался вид на комплекс развалин. «Здесь был большой город, — сказала французская алжирка. — Он был вытянут с запада на восток вдоль левого берега реки. Вон посмотри, пересохшее русло реки. Город окружала каменная стена с прямоугольными башнями-бастионами. Очень похоже на крупные города Царства Савского. Я видела их фотографии и схемы, сделанные в Йемене».

Нас позвал один из боевиков. Стоя на коленях, он отгреб руками песок от лежащих в ряд прямоугольных блоков. На боковой стороне одного из них них... «Сабейская надпись! Никаких сомнений! — закричала Лара. Она принялась руками откидывать песок, чтобы стала видна нижняя часть блока. — Помоги скорее». Мы копали, не чувствуя ни усталости, ни времени. Будто барахтались в абсолютном вакууме. «Да тут целая хроника», — вынырнув на поверхность, где находились остальные, громко сказала Лара. К нам приближались Джеймс, Милица и сомалийцы, включая старосту.

Текст высечен неглубоко. Местами выветрился. Я общупывал пальцами углубления букв. Лара переписывала их в дневник и фотографировала каждую. От волнения у нее дрожали руки. И счастливая, совершенно безумная, я не видел раньше такой у нее, улыбка. «Никаких сомнений, мы нашли. Никаких сомнений». Джеймс тоже упал перед блоками на колени и копал. Милица села по-турецки и наблюдала за нами. Некоторые из боевиков помогали. Абубакр возвышался над происходящим, скрестив руки на груди. Солнечные очки на глазах, конечно. Чтобы уравновесить ситуацию, я поднялся и подошел к нему. «Хорошо?» — спросил я его на английском. Это слово он знал. «Хорошо, хорошо», — и он похлопал меня по плечу.

Я внезапно почувствовал, что очень устал. Мышцы разом заныли, будто сдерживали прежде гигантскую плиту, даже целую крепость, развалины которой мы нашли. Я отошел в сторону и сел на отполированный блок. Совершенно отупело, без какого-либо понимания смотрел на окружающий пейзаж.

Милица подседа ко мне. Заговорила тихо, будто сама с собой: «Красотка, да к тому же умная. Да еще целеустремленная. Ловко ты себе женушку подобрал». Я ответил ей вопросом: «Завидуешь ее открытию?» Она хмыкнула: «Чтобы совершить открытие, недостаточно просто найти несколько камней с надписями среди диких гор». Наверное, она рассчитывала, что я что-то отвечу, но я молчал. Она продолжила: «Научное открытие — это не находки в ходе экспедиции. Нужны исследования, анализ найденного, развернутые публикации. Признание, в конце концов, научного сообщества. Пока можно констатировать, что что-то найдено. Есть предположения, что именно. И требуется доказать предположения».

За день удалось обнаружить еще восемь плит с надписями. Лара предложила задержаться здесь на несколько дней и обследовать развалины максимально подробно. Абубакр одобрил. Сказал, что вернется через три дня и мы поедем на руины, где живут эфиопы. С ним уехала половина боевиков. Они забрали два пикапа.

Днем мы копались в песке, под которым скрывался руинированный сабейский город, а на ночлег ездили в знакомую деревню. Раздали местным авторитетам часть подарков, закупленных в Босасо. За это деревенские жители помогали нам копать и искать новые надписи. Они относились к работе как к увлекательной игре. По вечерам в деревне проводились танцы. Сомалийцы пели свои песни, а мы свои родные. Царила великолепная атмосфера близости, общего важного дела. «Мы запомним эти дни как одни из самых счастливых в жизни. Точно». Женщины в знак доверия просили Лару и Милицу покачать или хотя бы поддержать их младенцев. Один из старейшин подарил мне трость с замысловатой резьбой. Джеймсу достался кинжал — по виду очень старый. «Его выковал мой отец», — сказал даритель-старейшина.

Вечером третьего дня, как и обещал, Абубакр приехал со своими людьми. «Как успехи?» — «Отлично, мы нашли новые блоки с надписями и замечательные архитектурные элементы. Мы хотели бы забрать с собой несколько небольших блоков и осколков колонн, не против?» — «Да. Мои люди погрузят их в машины». Находки предвзвешенно обернули в слои материи, чтобы они не побились в пути. «Они же тысячи лет лежали, и ничего с ними не произошло. Неужели думаете, что расколются от тряски в машине?» Перед отъездом Лара сообщила, что ей надо ненадолго в туалет. Наверное, покурить хочет. С тех пор, как мы выехали из Босасо, она регулярно удалялась покурить, сообщив, что направляется в туалет. Наконец сборы закончены. Мы загрузились и выехали. Некоторые женщины, старики и дети расплакались, провожая нас. Долго махали вслед удаляющемуся конвою.

Часа через четыре мы попали в широкую долину, обрамленную скалистыми горами. Растительность заметна лишь на вершинах гор. Поверхность долины серая от камней и растрескавшегося грунта. У дальнего конца долины медленно нарастала от земли темная туча. «Песчаная буря, — объяснил Ахмед. — Мы должны спрятаться и переждать». По приказу Абубакра машины повернули к горам справа. Прибавили газу и всматривались в каменную стену. «Туда!» Въехали в узкий загон между двумя обрывистыми склонами, соединяющимися друг с другом под острым углом. Машины встали квадратом. Боевики без команды вытащили старые, протертые до дыр рекламные баннеры — надписи на них на арабском — и укрывали автомобили, прижимая края к земле крупными камнями.

Я с Ларой вышел в долину. Туча расплзлась в половину неба. Будто гигантский вал катил на нас. Резкие порывы ветра приносили песок и мелкий мусор. Нарастал тяжелый гул. Быстро смеркалось. «Guys, пора в укрытие!» Зрелище наступающей стихии захватывало, совершенно не хотелось прятаться от нее. Наоборот, хотелось и дальше наблюдать, как буря захватывает пространство. «Песок накроет внезапно, и невозможно будет увидеть дальше вытянутой руки, лучше прячьтесь сейчас».

Мы набились в пространство под баннерами между автомобилями. На газовых горелках готовился кофе. Сомалийцы, перебивая друг друга, рассказывали, чтобы нам переводил Ахмед, как им приходилось переживать песчаные бури раньше. «Однажды укрыться ему было совершенно негде. Он шел пешком. Абсолютно ровная долина, как здесь, но гораздо шире. Он накрылся саронгом и пролежал несколько часов, пока буря не утихнет. Он посохом отгребал песок с подветренной стороны, чтобы получилось небольшое отверстие, через которое можно дышать».

По баннерам забили заряды песка. Ураганный ветер трещал, сталкиваясь с горами. Сомалийцы обрадовались, ритмично захлопали в ладоши, засвистели и начали петь песни. «Зачем они поют? Чему радуются?» — «Это старое сомалийское поверье. Чтобы отогнать злую стихию, человек должен ей показать, что не боится ее. Он должен радоваться и петь, тогда злость стихии умерится, и она успокоится или уйдет прочь».

Буря закончилась поздно вечером. Небо совсем очистилось от облаков, мигали белые звезды. В долине тихо до звона в ушах. Мы поели сухари и сушеное мясо, попили чай и завалились спать. Иностранцы и Абубакр — в кабины пикапов, местные — завернувшись в одеяла, на земле.

Проснулись затемно. Пока собирались, начало светать. До восхода солнца мы продолжили путь. Часов пять понадобилось, чтобы добраться до противоположного конца долины. Затем по серпантину поднялись в перевал. «За ним эфиопская округа. Три селения. В самом крупном находится асар».

Это была узкая долина, где горные пологие склоны походили на гигантские ступени из-за возделанных и отгороженных террас. По дну долину росли финиковые пальмы и бежал узкий прозрачный поток. В проплешинах между пальм попадались зна-

комые низкорослые деревья. Лубан? «Да-да, лубан». Я попросил остановить машину. Подошел к одному из деревьев. Врезал мягкую зеленую кору. Никаких сомнений — из красноватой древесины натекали белые капли, пахнущие православной церковью. На стволе имелись другие надрезы — старые, покрывшиеся грубой коркой коричневого оттенка.

Из-за валунов над дорогой появлялись по одному или группками мужчины. В руках у них старинные длинноствольные ружья, редко у кого автоматы Калашникова. «Встречают нас. Дают понять, что будут обороняться, если мы с плохими намерениями». Мы остановились перед въездом в селение — десятка полтора типичных для внутренних районов Африки круглых глинобитных хижин с соломенными крышами, позади них возвышалась сложенная из каменных блоков крепостная стена. «Господин Абубакр просит вас посидеть в машине, пока он будет разговаривать со старейшинами эфиопов». Главный полевой командир Дарджаала удалялся, сняв солнечные очки, в сопровождении двух вооруженных бойцов. Он перекинулся приветствиями с ближайшими из вооруженных эфиопов, и вместе они направились в глубь селения.

Мы ждали недолго, не дольше получаса — по местным меркам такой отрезок вообще не считается за ожидание. Абубакр возвращался очень довольный в сопровождении двух старичков, нескольких мужчин, они закинули оружие за спину, и женщин среднего возраста. «Они очень рады вам и просят пройти в дом для почетных собраний». Эфиопы обнимали и целовали нас в щеки по три раза с каждым по очереди — и с белыми, и с сомалийцами. И мужчины, и женщины: все со всеми одинаково. На темно-коричневых, того же оттенка, как у сомалийцев, лицах женщин я заметил темно-синие татуировки: кресты, геометрические узоры из крестов, крестообразная вязь. Видел подобное в Аддисе: горожане мне рассказывали, что такие татуировки делают обычно сельские жители, столичные жители избавились от этой традиции. На шеях у эфиопов висели деревянные кресты. Один из старейшин держал в руке аксумский, то есть заключенный в плавные ажурные круги, крест. Значит, жители долины не просто христиане, они — православные, как и большинство жителей мамки-Эфиопии. Я попытался заговорить с местными на амхарском, использовал самые ходовые фразы. Но они реагировали, лишь согласно кивая и повторяя «ыши», — видимо, на местном диалекте значило «хорошо», на литературном амхарском оно произносится «эши».

Селение выглядело гораздо колоритнее, чем все сомалийские деревни, виденные нами прежде. Перед хижинами стояли деревянные ступы, резные инструменты непонятного назначения, маленькие дети (кто-то из них испугался белых и заплакал) играли с примитивными деревянными игрушками, раскрашенными в яркие цвета. Одежда у людей порядком поистрепанная и залатанная. Бегали куры. Кроме них, никаких других домашних животных — даже кошек или собак.

Мы миновали селение и оказались возле... «Смотри, один в один здание для проведения имперских советов Менелика Второго на горе Энтото. Помнишь?» — спросил я Лару. «Конечно, очень похоже, только поменьше размерами». Местные использовали его для проведения важных собраний. Нас провели внутрь, в большую комнату, из которой три входа вели в другие помещения, и предложили садиться, где пожелаем. «Они плохо говорят на сомалийском. Знают самые простые фразы и произносят их с ужасным акцентом. Они живут замкнуто и мало общаются с сомалийцами», — предупредил Ахмед.

Двое мужчин принесли толстые вязанки ката и выложили в центр комнаты. Сомалийцы сразу ухватили себе по несколько веточек и ловко обрывали листики губами. Эфиопы показали нам четверым, чтобы мы тоже взяли кат. Я подумал, что можно было бы попросить у них тэдж, наверняка даже в столь бедном селении его готовят, но, возможно, получилась бы неоднозначная ситуация: при нас сомалийцы Абубакра, он сам и Ахмед ни разу алкоголь не употребляли. Их могло бы возмутить рас-

питие алкоголя, и отношения наши неизбежно ухудшились. Поэтому попросил Ахмеда, чтобы он объяснил местным, что мы не умеем получать удовольствие от ката и вместо него пьем кофе. «Буна, буна (кофе)», — повторил я старейшинам несколько раз. «Ыши». Действительно через некоторое время появились женщины с пластмассовыми подносами, на которых стояли керамические чашечки с кофе. «Лучший кофе, который я попробовала в Сомали», — сказала мне Лара на ухо. Она была в восторге от обстановки и, видимо, предвкушала посещение крепости возле селения.

Абубакр и Ахмед что-то втолковывали местным, указывая на нас. Мы только улыбались и одобрительно кивали. Пришла женщина с дымящим глиняным горшком. Поставила его в центре и, размахивая пальмовым листом, разгоняла дым по помещению. Аромат ладана. «Путь благовоний», — сказали мы с алжиркой одновременно. «Ыши, ыши», — громко произнесла она, показывая местным на дымящий горшок. Те, разумеется, обрадовались.

«Настало время отдать подарки», — сказал Ахмед. «Ладно», — ответил я и собрался встать, но он остановил меня: «Люди господина Абубакра принесут». Мешки с подарками боевики выставили возле своего командира. Тот извлекал их и, что-то пояснив, передавал старейшинам. Старейшины распределяли среди своих. «Господин Абубакр — очень мудрый человек. Думаю, эфиопы не откажут нам в помощи после подарков и его речи».

Когда церемония дарения закончилась, женщины начали приносить подносы с инджерой, овощами, финиками и жареными бананами. «Ахмед, как думаешь, уместно будет попросить старейшин отвести нас к крепости после еды?» Он кивнул в ответ и, прожевав, сказал: «Учтите, что важно много и долго есть, чтобы расположить к себе хозяев. Тогда местные жители будут еще добрее у нас».

Мы постарались — ели много и долго. Нахваливали каждый вид продуктов. Дважды попросили кофе. Согласились, когда старейшины предложили попробовать финики, собранные в соседних долинах. Наконец, нас спросили, хотим ли посмотреть древнюю крепость и церковь внутри нее. Церковь? Ну да, церковь, очень старую православную церковь.

«Я сейчас с ума от счастья сойду», — сказала мне Лара, когда мы приближались к крепостной стене, и крепко сжала мою руку. Я почувствовал ее вспотевшую ладонь. «Невероятно. У меня есть подозрения, какая у них церковь». Мы пересекли песчаную гряду с колючими кустарниками — местами из нее торчали обтесанные блоки. Кусок стены высотой метра три. «Пожалуй, часть ее скрыта в грунте». Прошли через пролом дальше. Множество зданий из прямоугольных блоков, правда, остались от них строения не выше человеческого роста. «Это очень древний эфиопский город. Никто даже не знает, когда он был построен. Эфиопы говорят, что тут находился дворец их царя в старину. Хотя кто знает на самом деле. Вы — ученые, вам удастся узнать истину. Иншалла», — сказал Ахмед.

По расчищенной улочке, мощенной плитами, мы подошли к постройке, которую возвели явно значительно позднее, чем город, — глинобитные стены овальной формы и соломенная крыша, украшенная скромным крестом. По размерам — больше всех домов, увиденных прежде в селении. Деревянная, грубо сколоченная дверь. Старейшина попросил нас снять обувь и оставить оружие снаружи — церковь. Отворил дверь, вслед за ними мы перешагивали через высокий порог. Из оконцев под потолком в боковых стенах скудный свет. Даже при сумрачном освещении ясно видны восемь прямоугольных колонн-монолитов у дальней стены. Между ними на кожаных ремнях развешаны иконы: черные глазастые ангелы, черная тонконосая и губастая Богоматерь, черный Христос, удивленно глядящий с креста, похожего на пальму. В кадилницах, прикрепленных к коровьим рогам, торчавшим из боковых стен, курился ладан.

В колоннах углубления с надписями. «Сабейский храм. Поэтому эфиопы его почитают, сделали из него православную церковь. Надписи на колоннах, возможно, священные тексты. Полагаю, что тут была столица сабейских колонистов в Пунте. Невероятно».

...Мы провели в эфиопской долине четыре дня. Большую часть времени вместе с местными копали среди развалин крепости. Обнаружили остатки сторожевых башен у перевалов, отделявших долину от других территорий, и следы старинных каналов, по которым вода отводилась к крепости. Старейшины согласились, чтобы мы увезли несколько крупных блоков с хорошо сохранившимися надписями.

Возвращение

До главного селения Дарджаала мы добирались полтора дня. Абубакр поселил нас в том же доме, что и в прошлый раз. Мы согласились отдохнуть пару дней перед возвращением в Босасо. Милица несколько раз пропадала, прихватив Ахмеда. Затем объясняла, что расспрашивала про местные особенности хээра. «Думаю, она переживает, что открытие совершила не она. Вот и суетится, чтобы найти сочный материал для своего исследования», — ехидно заметила Лара. Джеймс дозвонился до друга из британского издания. Через несколько часов он показал нам новость на мониторе телефона. «Международная группа исследователей обнаружила следы ранее неизвестного древнего государства в Сомали. Оно, предположительно, являлось частью библейского Царства Савского и существовало не менее полутора тысяч лет назад. «Это одна из наиболее крупных древних цивилизаций на территории Африканского Рога, но люди практически не знают о ней. Нам удалось обнаружить два города. Причем один из них, вероятно, являлся столицей древнего государства», — отметил один из исследователей Джеймс Харроуэр из Университета Ковентри. По мнению ученых, древнее государство могло возникнуть в результате тесных торговых связей между Царством Савским и древним государством Пунт, занимавшим территорию современного Сомали. На месте развалин древних городов были найдены образцы архитектуры и письменности. Группа ученых планирует провести более тщательные работы по изучению местности». В конце новости фотография: мы вчетвером на фоне сабейских развалин в эфиопской долине и подпись, кто есть кто. Перед моими именем и фамилией значилось: «Консультант экспедиции по безопасности». Лара запрыгала от восторга. «Когда мы вернемся в Европу, мы с тобой напишем развернутую статью про твоё открытие», — сказал ей Джеймс. Хорватка отреагировала кратко: «Amazing» — и ушла, чтобы продолжить читать и пить чай.

В вечер перед отъездом нас вызвал в свой штаб Абубакр. Он принимал нас в большой комнате на первом этаже. Кроме него, местные авторитеты и рядовые боевики. Разговор, как полагается, предварял обмен любезностями и вежливостями. Это продолжалось минут пятнадцать. Когда приступили к делу, Ахмед сказал: «Господин Абубакр гооврит, что вы не сможете забрать находки с развалин без разрешения местных властей, потому что они являются достоянием местной истории и культуры». Лара неожиданно быстро согласилась. Она сказала: «Хорошо, без проблем, мы готовы взаимодействовать на межправительственном уровне. Когда я вернусь во Францию, наши чиновники свяжутся с вашими». Я даже не успел вставить какое-либо слово или хотя бы переглянуться с ней. Абубакра очень обрадовало столь быстрое одобрительное решение. Он хлопнул в ладоши и протянул нам руку для пожатия — каждому по очереди. Дальше последовали вопросы и ответы вежливости, а после них детали нашего отъезда в Босасо.

«Ты уверена в своем ответе нашему гакај? Ты очень быстро решила, в восточном менталитете это означает слабость», — сказал я Ларе, когда мы, обнимаясь, лежали под

спальником в гостевом доме. «Все хорошо, — ответила она. — Самое главное сделано. Я найду деньги, и мы скоро снова отправимся на развалины вместе с многочисленной экспедицией при серьезном финансировании. И авторитетной, для кабинетных академиков авторитетной. Мы всех уделаем, понял? Мы уже всех уделали. Надо зафиксировать это. Я найду деньги на масштабную, признанную разными институтами экспедицию». Алжирка оставалась алжиркой. Яростная, диковатая, верная выбранным принципам, как их главный герой — Абд-аль-Кадир.

Джеймс и Милица улетели из Босасо первыми — транзитом через Дубай в Рим. Наш с Ларой рейс на четыре часа позже — в Аддис, оттуда через три дня — в Париж. Почти пустой зал ожидания: несколько сомалийцев в деловых костюмах и при пластмассовых чемоданчиках на колесиках сидели на скамейках, уборщик со шваброй и скучающий охранник в униформе и с автоматом Калашникова. Кат никто не жевал. Нас провожал Ахмед. Мы обменивались любезностями, вспоминали поездку по Дарджаалу. «Эфиопы — замечательные люди, хотя сомалийцы их боятся и ненавидят. Напрасно». Ахмед посмотрел в очередной раз на свои ручные часы и, тронув мою руку, сказал: «Можно мы отойдем на несколько минут?» Я переглянулся с Ларой, та пожала плечами.

С Ахмедом вышли на улицу. Жарко, пахло близким морем. «Леди Лара — очень хороший человек. И добрый. Но я не решаюсь ей рассказать сам, поэтому вы расскажите», — попросил Ахмед. Я кратко кивнул. «Милица — очень хитрая и подлая. Это она убедила Абубакра не отдавать вам камни с надписями». Такого я совершенно не ожидал. Он продолжал: «Она просила меня перевести ее просьбу Абубакру. Она пообещала ему, что заплатит пятьдесят тысяч долларов, когда снова придет в Пунтленд со своей собственной экспедицией. И она дала ему сколько-то денег. Не знаю, сколько именно. Передала в конверте. Мне за помощь тоже дала конверт с долларами и попросила не рассказывать вам, Ларе и Джеймсу». Деньги в конверте — очень по-европейски. Интересно, сколько она заплатила. И что теперь делать нам? «Я рассказываю, потому что леди Лара — настоящий ученый, она совершила открытие, а не Милица. Аллах все видит и покарает нечистивцев. Надеюсь, у леди Лары получится прилететь с новой экспедицией. Я готов помогать ей».

...Поэтому я снова живу в гостевом доме в Гарджи, а Лара пытается выбить финансирование на новую экспедицию во Франции — у университетов или правительства. Я нашел местного переводчика, который готов поехать с нами к эфиопам в Дарджаал. Лара почти каждый день звонит мне: рассказать последние новости или пожаловаться на неудачи. Во Франции вечер, в Аддисе — полночь, когда она звонит. Вчера она рассказала: «Эта Croation bitch на самом деле никакая не дочь бывшего югославского дипломата. Она — его любовница. Сейчас он пытается договориться о финансировании ее экспедиции в Пунтленд с итальянским и хорватским правительствами. Джеймс общил. По меньшей мере, два раза ее старый урод встречался с высокопоставленными чиновниками из итальянских Министерства иностранных дел и Министерства науки».